

ЭВТЕРПА

*Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.*

*Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.*

*Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.*

Афанасий Фет «К музе»

Лариса Петровна была девочкой, отнюдь, не скромной, в том смысле, что всегда знала себе цену, полагала себя существом необыкновенным и незаурядным. С возрастом появилась у неё даже присказка: «Я не страдаю манией величия, я ею наслаждаюсь». На замечания сверстников о том, что она – «выскочка», и хорошо бы ей «стать как все», она лишь закатывала глаза на вполне заурядном личике, необыкновенным на котором было чрезвычайно заносчивое выражение. Такое выражение у нее появлялось всегда, когда одноклассники, а позднее и сокурсники просили у нее списать домашнее задание.

От этих просьб Лариса Петровна еще глубже убеждалась в собственной уникальности и все дальше отдалялась от коллектива, где ее с трудом терпели, зная о том, что рано или поздно каждому придется попросить у нее что-то списать. В конце концов, окружающие поняли, что мания величия белобрысой девицы небольшого роста вполне простительна, так как из нее в сложной ситуации можно извлечь пользу. И она нисколько не возражала, когда за своей спиной слышала банальности вроде: «Каждый сходит с ума по своему!» Все, кто отваживался это произнести в лицо, получали саркастический ответ: «А вам и сходить не с чего!», заключавший в себе жестокую правду.

Впоследствии Лариса Петровна вполне оценила то время, в котором произошло, так сказать, ее становление. Никто не мешал ей развиваться в различные стороны, а сама система образования этому только способствовала. Подготовка к олимпиадам и разным конкурсам стала для Ларисы Петровны с четвертого класса наиболее любимым способом развития личности. Правда, никто из учителей и завучей, вручавших Ларисе Петровне очередную грамоту за углубленное освоение предметов, не догадывались, чем с некоторых пор стала маяться эта юная целеустремленная особа.

Каждый хочет того, чего у него нет и никогда не будет. А Лариса Петровна по натуре была весьма воинственной особой. В пионерском лагере она однажды видела, как девочки дерутся с мальчиками. Ее, конечно, на подобное развлечение не пригласили. Поэтому все последующие успехи Ларисы Петровны на ниве образования были чем-то вроде так и нереализованного желания звездануть кому-нибудь книжкой по лбу.

У ее папы была книжка, в которой больше всего содержалось того, к чему тянулась душа Ларисы Петровны, но от чего ее тщательно оберегала мама. Книга так и называлась - «Книга будущих командиров». Нельзя сказать, что в доме было много книг. Еще в садике, как только она научилась читать, Лариса Петровна узнала другое название книг – «дефицит». И очень радовалась, что книга 1946 года издания была у них прямо в доме, и за ней не надо было идти в библиотеку.

Однажды она с этой книгой явилась в школу, чтобы дочитать про Марафонскую битву. Крестовые походы, тактику европейских рыцарей, завоевания Наполеона и Сталинградскую битву, она тщательно проработала раньше. Учительница по истории изъала у нее книгу, поскольку Лариса Петровна неосторожно продолжила чтение на уроке. Она внимательно посмотрела на «всезнайку», как дразнили её в четвертом классе, и сказала, что это еще рановато читать, историю Древней Греции проходят в пятом классе. Но она пообещала Ларисе Петровне в качестве самостоятельной подготовки к античной истории принести книжку Гомера и мифы, если она будет хорошо себя вести. Последнее условие немного остудило пылкую благодарность Ларисы Петровны, но после она нисколько не жалела о том, что целую неделю прилежно ходила строем, собирала металлолом и не занималась на уроках ничем посторонним.

Ее секрет в освоении новых знаний был предельно прост – перед самими знаниями она вначале овладевала методикой их освоения. Даже на физкультуре Лариса Петровна, стоявшая по росту на последнем месте, брала завидную для многих высоких одноклассников высоту, поскольку правильно усвоила методику прыжка. Большинство ее сверстников предпочитали сразу переходить к практике, не считая нужным прорабатывать теорию и методику практических упражнений. После их ставили в тупик и самые простые задания, поскольку они не давали себе труда выстроить строгую систему знаний, тогда как Лариса Петровна делала это с девичьей тщательностью и старанием.

Поэтому в древнегреческих книжках ее сразу поразило, насколько мощно были проработаны в античности вопросы самой методики творчества. Героизм, совершение подвига – греки тоже относили к разновидности творчества, что особенно импонировало Ларисе Петровне.

Конечно, она сразу же выделила у Гомера и Гесиода утверждение о прямой связи творчества с особыми богинями, музами. Каждый из них обращался к музе или к музам, в начале своих произведений с просьбой поведать о конкретных событиях, воспеть героя или бога. Лариса Петровна несколько раз пересчитала, выяснив, что на протяжении всей поэмы «Илиада» Гомер четырежды обращался за помощью к музам как единому сообществу, один раз – просто к музе, а еще один раз – как к богине, под которой точно имел в виду именно музу. Причем, он явно хорошо знал тех, о ком так часто упоминал. Для него муза была не просто богиня со своими интересами, она была чем-то гораздо большим, почти им самим. Он утверждал, что только музам ведома истина, а люди лишь слышат молву.

Тщательно проработав вопрос с музами Гомера, Лариса Петровна выяснила, что чисто в религиозном плане он выделяет и олимпийских муз, дочерей Зевса, – и архаических муз, дочерей Геи и Урана. Во времена Гомера люди еще не вполне отошли от «старой веры», где муз возглавлял истовый и неуправляемый Дионис Мусaget, тоже вошедший потом в новый пантеон богов как сын Зевса. Но вот о матери олимпийских муз поэт ни разу не упоминал, поскольку лишь спустя несколько веков после него люди окончательно решили, что матерью этих муз была богиня памяти – Мнемозина.

Несмотря на то, что Гомер достаточно официально, используя формульные титулы, общался к музам, Лариса Петровна не могла отмахнуться от ощущения, будто он обращается к самому себе, ставшему чем-то вроде живого вместилища музыки. Чаще всего он призывал их в тех случаях, когда возникала необходимость в большом объеме информации: при перечислении кораблей, героев, порядке их выступления. И то, как он просил у муз не столько поэтического вдохновения, а конкретной информации, – было больше похоже, будто он заклинает не подвести его... собственную память, истинный источник своего вдохновения.

От дотошного внимания Ларисы Петровны не ускользнуло, что сам поэт присутствовал в поэме исключительно в обращениях к Музам, причем, в достаточно вольных обращениях – «расскажите мне, расскажи мне», будто подстегивал самого себя.

*Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси;*

*Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахейн.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.*

«Неслабеющий голос и медные перси» - вовсе не были обращены исключительно к женщине, как сообразила Лариса Петровна. Это было одинаково необходимо как для продолжительной громкой речи, так и для пения. Ведь поэма и была разбита на песни, часть ее вообще исполнялась нараспев, речитативом. Слепому Гомеру, зарабатывавшему свой хлеб чтением своих произведений вслух, - был остро необходим «неслабеющий голос». Применительно к себе Гомер использовал глаголы со значением «говорить, рассказывать», оставляя для муз лишь одну функцию - напоминания. Получалось, что при обожествлении муз, сам поэт был вовсе уж не так беспомощен в своем творчестве, и даже не так уж несведущ, если нуждался только в напоминании.

На личике Ларисы Петровны появилось заносчивое выражение, обозначавшее, что она вплотную подошла к раскрытию чужой тайны. Что-что, а выводы она делать умела. После этого она лишь презрительно хмыкала на

беспомощные замечания какого-то профессора-филолога во вступительной статье: «Судить о взаимоотношениях Муз и поэта, его самосознании и положении в обществе по данным «Илиады» - достаточно сложно».

После своей «командирской книжки» Лариса Петровна по таким поводам вносила короткое резюме: «Учите матчасть!» при чтении любых филологических исследований. Она твердо решила никогда не становиться филологом, ведь эти люди, по ее мнению, в ходе профессиональной подготовки навсегда теряли способность замечать очевидное.

К тому, они не всегда знали, где остановиться, теряя чувство меры, переступая грани дозволенного. Несмотря на то, что к своему поэтическому дару Гомер обращался, как к временному вместилищу музыки, он не допускал и малейшего неуважения и панибратства на «короткой ноге» к этой части своей натуры. Возможно, многие его современники могли счесть это обычной заносчивостью ничтожного слепого старика, способного полностью подчинить чужое воображение своему рассказу и через века после своей физической смерти. Но Лариса Петровна понимала, что вопрос об отношении к «дыханию муз» намного сложнее.

Она внимательно перечла эпизод встречи муз с Фамиром Фракийским. Этот известный певец похвалялся, будто превосходит их своими песнями.

В его хвастовстве заключался намного более глубокий смысл, чем сказка об удивительной встрече певца с божественными аллегориями творческих сил человеческой души. Фамир считал, что всем этим силам он обязан лишь себе самому. Он и мысли не допуская, что может затронуть чужую душу своей песней, как бы заранее отказывая своим слушателям в наличии души и способности испытывать высокие чувства. Вряд ли он понимал, что любой певец, взывая к музам, - становится их временным пристанищем. Несмотря на то, что от природы он обладал удивительными способностями к музицированию, душою он бы слеп. Возможно, потому, что не стремился замечать других.

Ларисе Петровне показалось абсолютно естественным то суровое наказание наглецу: он был ослеплен и лишен песенного дара и искусства играть на кифаре. Столь высокая самооценка певца и ее скорбные последствия – приводились Гомером не только в назидание смертным и как противоядие от человеческой гордыни.

Лариса Петровна истолковала этот эпизод гораздо шире. По ее мнению, Фамир Фракийский заявил, будто может творить без муз вообще, что сам по себе хорош, а его слушателям – «и так

сойдет». Она поняла, что музы защищали тех, кто не просто добивался личной славы, но стремился своим искусством сделать мир лучше. Однако, поддерживая и вдохновляя тех, кто следовал высоким творческим задачам, музы безжалостно расправлялись с теми, кто утверждал, будто в искусстве можно обойтись и без них, без их высоких целей и божественного дыхания.

Пока Лариса Петровна осваивала методики, выясняла, кто такой Гомер, читала командирские книги и постигала новые знания и навыки, ее мама, в точности такая же вьедливая дама небольшого ростика со своей методикой на каждый бытовой случай, - вытурила ее папу... на волю! Развелись родители мирно и, как показалось Ларисе Петровне, даже с обоюдным облегчением. По этой причине они даже перестали ссориться шепотом, восстановили дружеские отношения и самым мирным тоном разговаривали по телефону, обсуждая посадку картошки на участках, выделенных заводом.

Они будто переживали новый виток взаимного уважения и человеческого интереса, обмениваясь книгами и впечатлениями о концертах заезжих знаменитостей. Им сейчас было настолько комфортно дружить на расстоянии, что ни папе, ни маме даже не пришло в голову поинтересоваться мнением Ларисы Петровны по поводу происходящего. Свои стычки они и раньше держали от нее втайне, да она и не думала, что взрослые, да еще ее папа и мама – могут ссориться, так и не освоив методику совместного проживания.

И теперь, после развода, мама, испытывая к папе нечто вроде благодарности и признательности, всем соседкам говорила про папу: «Мы же не чужие люди друг другу, у нас дочь растет!» А дочери она периодически напоминала, что единственным дочерям надо почаще навещать папу. А поскольку папа, в основном, был на работе, а иногда оставался там и ночевать (с чего, собственно, и начались мамины претензии к его личности и образу жизни, несовместимому со статусом женатого мужчины), Лариса Петровна навещала своего папу прямо на заводе, где он был главным начальником.

На работе папы было всегда очень интересно, хотя его самого Лариса Петровна редко заставляла на месте, он был почти всегда очень занят. Зато у него была секретарша - миниатюрная взрослая и очень милая женщина, у которой была пара своих детишек, поэтому она с большим терпением и умением общалась с Ларисой Петровной, как со взрослой. Она научила Лариску печатать на машинке. Это было так ново, здорово и необыкновенно!

Лариса Петровна взяла в заводской библиотеке на папин абонемент книжку по десятипальцевому методу печати и потом показала секретарше некоторые приемы, которыми та поделилась и с секретаршами других отделов. И после этого на папином заводе у Ларисы Петровны начала появляться репутация, о которой ей, очень тактично намекала папина секретарша.

Спустя годы, правильно усвоенные практические навыки позволили Ларисе Петровне подрабатывать в студенчестве на кафедре, где она перепечатывала чьи-то диссертации, и ее работа очень высоко ценилась. Но это было немудрено! В ожидании папы, Лариса Петровна перепечатала себе лично «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, а потом переплела их тут же на заводе в местной типографии, где изготавливались отчеты и юбилейные папки. И это окончательно закрепило ее репутацию «папиной дочки», способной совершать чудеса «производительности труда».

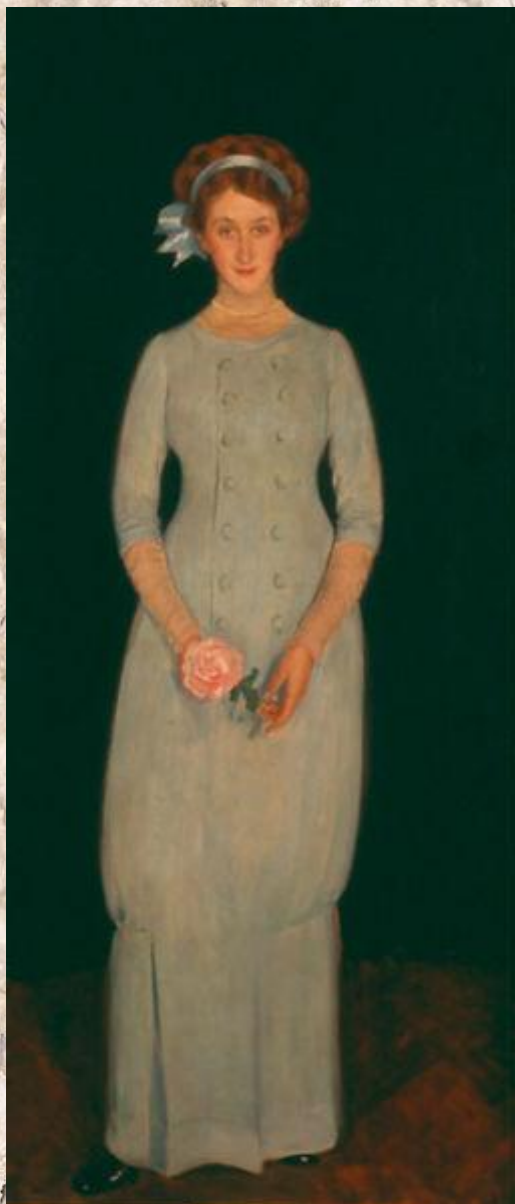
Когда печатная машинка была занята, Лариса Петровна отправлялась в бухгалтерию. Тамошние мрачные девушки давали ей разлиновывать формы отчетности, в которые им ежедневно надо было вносить важные цифры столбиком. Когда репутация Ларисы Петровны укрепилась и в бухгалтерии, девушки научили ее пользоваться арифмометром с эбонитовой ручкой. Зажав цифры линейкой, они кричали их из разных концов комнаты, а Лариса Петровна крутила ручку арифмометра и орала в ответ готовую сумму, пока ее не забирал из бухгалтерии папа.

Дом, в котором Лариса Петровна осталась жить вместе с мамой, стоял в центре города. Он был деревянным, с тщательно отесанными брусьями, с печным отоплением. Дом бы построен в

войну пленными немцами, поэтому на нем лежал какой-то неуловимый «заграничный отпечаток», не вязавшийся с той жизнью, которой жил вокруг мрачный городок при огромном заводе. В каждой огромной квартире с длинным коридором, заставленным детскими колясками, велосипедами, импровизированными гардеробами и старыми шкафами, жило по три семьи.

И на эту жизнь дом тоже каким-то образом накладывал отпечаток уюта и особой домовитости. В доме с деревянными резными перилами пахло липовым чаем и малиновым вареньем, а в городе такие дома называли по-старинному – «особняками». Вокруг росли большие деревья, и летом весь большой двор утопал в зеленом шатре их раскидистых крон. Огромную клумбу посреди двора соседи радостно засаживали и облагораживали каждой весной, доверяя Ларисе Петровне красить лавочки возле клумбы. При хорошей погоде на лавочках во дворе собирались все соседи, поэтому Ларисе Петровне, никогда не хватало на них места. Она сидела дома с самодельной книжкой Гомера на подоконнике, свесив ноги наружу, за что ее постоянно пилила мама.

После Гомера Лариса Петровна считала ниже своего достоинства ходить в кино на несодержательные фильмы о современной жизни. Производительности труда ей хватало и на папином заводе, а в любовь она верила лишь в самом возвышенном антураже исторических постановок. Вместо кино она решила осваивать музеи. Их в городе было целых два: один на папином заводе - о трудовой славе, а другой – краеведческий.

Краеведческий музей был раньше домом губернатора города, он стоял в маленьком запущенном парке, а за ним были замечательные качели, куда папа иногда в детстве водил ее качаться, если у него был не конец квартала. Он всякий раз поражался, сколько можно раскачиваться, и как ей не надоест. Мол, в автобусе девочку без приключений не провезешь, её укачивает, а на качелях - никаких проблем с головою.

В самом музее пахло как-то необычно, наверное, чем-то натирали паркет. Картины Ларисе Петровне не понравились, они несли мало познавательной информации. На них изображалась либо природа с подтекстом любви к родному краю, либо натюрморты без всякого подтекста. Натюрморты совершенно нектати вызывали аппетит, но Лариса Петровна стеснялась есть в музее, хотя всегда в музейные походы захватывала с собой бутерброд с сыром.

По-настоящему ее заинтересовал в музее лишь один портрет девушки в полный рост с волосами, перевязанными голубой лентой, в голубом же платье с чайной розой в руках. Много лет спустя Лариса Петровна выяснила, что это было платье-буль. Экскурсовод пояснила, что на портрете изображена дочь хозяина дома, которую заезжий художник избрал своей музой. Лариса Петровна так и поняла, что этот художник потом женился на своей музе.

Экскурсовод ей пояснила, что «муза» переводится с древнегреческого как «разумная», а музей – еще в Древней Греции считался жилищем муз. Но, глядя на старую мебель и облупившиеся стены, Лариса Петровна иногда казалось, что музей больше похож на кладбище навсегда ушедших времен, чьих-то несбывшихся надежд, всех муз вместе взятых.

На шее девушки с портрета висела странная камея на бирюзовой бархатной ленте. Через два года Лариса Петровна, уже став постоянной посетительницей всех музейных экспозиций, набралась смелости и поинтересовалась, что же за странное украшение изобразил художник на шее своей избранницы.

Пожилая дама, директор этого музея рассказала ей, что девушка вышла замуж и уехала из их города в Санкт-Петербург. А на ее камее была изображена гарпия, мифическая женщина-птица с мохнатыми толстыми лапами. И таких изображений всего три во всем мире, поскольку обычно гарпии изображаются с огромными птичьими лапами. По преданию, эта камея могла помочь своему обладателю увидеть гарпий, которые будто бы никуда не исчезли. Если несколько тысячелетий люди твердо знали, что гарпии бессмертны, с какой стати им исчезать лишь потому, что люди, проявляя извечное непостоянство, перестали в них верить?

Директриса показала Ларисе Петровне несколько сохранившихся писем девушки родным, где та поздравляла их со Святками, Рождеством и Пасхой. В письмах рассказывалось, как растут двое ее детей, как живут в Санкт-Петербурге их общие знакомые. Постепенно тон писем становился все тревожнее, а в последних письмах девятнадцатого года звучала обреченность и смирение перед судьбой. Дети и муж девушки с портрета погибли, а она сама дважды видела гарпий, круживших над темным городом. В последнем письме девушка прощалась навсегда с оставшейся в живых няней и извинялась, что никогда не сможет вернуться в город и навестить могилу родителей.

Директор музея и не подозревала, что своим рассказом подстегнула почти заснувшее увлечение древнегреческой мифологией их юной посетительницы. Лариса Петровна поинтересовалась, что же стало потом с этой девушкой с портрета? И директриса ответила, что по их данным, дочь градоначальника пережила революцию, гражданскую войну, но вряд ли смогла пережить блокаду.

После войны так и не удалось ее найти, хотя прежняя директор музея в середине пятидесятих годов пыталась навести о ней справки, считая, что та могла дать ценные краеведческие сведения. И ей тогда должно было быть уже около семидесяти лет, а в таком возрасте люди гораздо лучше помнят прошлое, понимая, сколько бесценных мгновений бытия кануло в Лету безвозвратно.

... Лариса Петровна выросла в странную девушку, которая приковывала взгляд любого, кто хотя бы раз видел иллюстрации картин Сандро Боттичелли. В ней было что-то от его Весны, одной из граций, Афины... С прекрасными бесплотными моделями Боттичелли ее роднило и отсутствующее грустное выражение, появившееся у нее в десятом классе после похорон отца. Папа сгорел очень быстро. После какого-то обязательного медосмотра папу оставили в больнице. Он в растерянности позвонил маме, которая в назидательном тоне заметила, что ему действительно давно пора полечиться и «полностью обследоваться». Но на следующий день, отправившись проведать бывшего мужа с домашними разносолами, она пришла с белым лицом, в спутанном платке и кое-как застегнутом пальто, что совершенно не вязалось с ее культом чистоты и аккуратности. Врач отозвал ее в ординаторскую и честно сказал, что у папы – неоперабельный рак.

Мама перевезла папу из больницы домой, заверив его, что дела идут на поправку, просто поправляться с такими делами все-таки лучше дома. Через три месяца папа умер. Из этих трех месяцев в памяти остались только запах лекарств и постоянное шипение металлического футляра, где кипятились шприцы. Лариса Петровна бросалась то в магазин, то в аптеку. Все три месяца она с мамой качались на этих жутких качелях, когда надежда на чудо вдруг пронзала ее от макушки до пяток, и казалось, будто все кошмары уже позади. Но приговор врача так и остался окончательным, все так же горел огонек ночника, все так же она всхлипывала от стонов папы, слушала успокаивающий шепот мамы и ее тихий плач над корытом с простынями и наволочками.

На похоронах соседки под руки вели по их тенистому переулку заплаканную маму, пытавшуюся всем объяснить, что Петеньке она – не чужая. Девушки из бухгалтерии выбили

им с мамой заводскую «Волгу» и помощь от профкома, а папина секретарь дотащила до «Волги» маму, рвавшуюся устроиться в грузовом фургоне возле папиного гроба, обитого красным кумачом. И, глядя на сосны, обрамлявшие городское кладбище, Лариса Петровна твердо решила выучиться на инженера, чтобы стать как ее папа.

Она методически перерывала всю справочную литературу в помощь поступающим в вузы, когда случайно увидела в мамином журнале «Работница» статью, называвшуюся «Мифическая девушка». Ни о каких древнегреческих мифах в статье не рассказывалось, просто девушка, о которой была написана статья, закончила в Москве вуз, называвшийся «МИФИ».

Участь Ларисы Петровны была решена. Получив аттестат зрелости, она собрала маленький чемодан, с которым ездила в пионерские лагеря от папиного завода и, наскоро попрощавшись с окончательно растерявшейся мамой, тем не менее, успевшей ей за ночь сшить бостоновую юбку, - отправилась становиться мифической девушкой.

...Получив после первой сессии повышенную стипендию, Лариса Петровна решила весь семестр методически изучать репертуар московских театров, тут же столкнувшись с проблемой приобретения билетов. Через непродолжительное время она выяснила, что довольно легко можно попасть только в Театр Советской Армии, в Кремлевский Дворец Съездов и на оперетту. Из всех мест, куда ее пускали без особых проблем, больше всего ей понравилось в Кремлевском Дворце Съездов. Кроме зрелищ, там подавали шампанское и жульен в буфете. Иногда там можно было прикупить с лотка нечто прекрасное, вроде туши для ресниц «Луи Филипп».

В середине второго семестра она попала на слет первокурсников с подшефной группой. На слете она чинно сидела у костра с кружкой чая среди одних девчонок и дико скучала. И так бы погибла в расцвете молодых лет, если бы к ним случайно не забрели «на огонек» два юноши с гитарой. Их репертуара хватило на всю ночь, а все юные девы, включая Ларису Петровну, были поражены и впечатлены, наконец-то вполне насытившись художественными впечатлениями. При первых аккордах Лариса Петровна поняла, что мужское пение – это ее истинная слабость.

Всю ночь ей казалось, будто молодые люди поют только ей и лишь для нее. Они глядели ей в лицо, слово искали только ее одобрения. Она с удовольствием кивала им и первой хлопала в ладоши, ей хотелось, чтобы эта ночь длилась и длилась. Но под утро эти сирены в мужском обличье испарились, даже не представившись...

Детское увлечение Гомером тут же ударило в борт ее суденышка восторженной волной «Одиссеи», где особое место уделялось таким вот аэдам, певцам-мужчинам, исполнителям поэм и сказаний. Тут-то она поняла, что на самом деле ее так влекло к слепому певцу. И на какое мгновение ей даже показалось, что из старой самодельной книжки Гомер через века обращается только к ней, как к своей музе.

Она вспомнила, что именно в «Одиссее» впервые появлялись все девять муз, хотя раньше их число либо не уточнялось, либо было гораздо меньше. Одиссей, ни разу не обращался к музам, будучи героем, а не аэдом.

А один из героев «Одиссеи» аэд Демодок, хотя и не призывал муз, но был тесно связан с музами и Аполлоном: *«Его возлюбила Муза и наделила благом и злом – зренья ведь лишила, дала же сладостную песнь»*. Демодок – лирический герой поэмы, которого муза лирической поэзии вдохновила воспевать славу мужей, выбрав из известной до небес песни отрывок о распре Ахилла и Одиссея. Гомер же утверждал, что песенный дар Демодок получил от бога: *«Благосклонный к нему бог даровал ему пророческую песнь»*, и все свои песни аэд начинал, *«вдохновленный богом»*.

Ларисе Петровне стал интересен этот момент – кто же вдохновлял столь полюбившихся ей аэдов? Точка зрения Гомера ее не устраивала расплывчатой неопределенностью. Песенный дар не был обычным даром. По мнению Одиссея, восхищенного пением Демодока, это муза обучила поэта песням, а возможно, и сам Аполлон.

Ей показалось, что Аполлон упоминается в поэмах Гомера как вежливый и уже обязательный реверанс – всем олимпийским божествам нового пантеона. Она выделила для себя музу лирической поэзии, благосклонную к «племени аэдов», которых сама учила песням. Первые упоминания о необходимости методически осваивать приемы классического искусства связывались именно с этой музой по имени Эвтерпа. Высшая же степень мастерства, которой достиг Демодок, была возможна лишь при обучении у нее или у самого Аполлона. Аэд вовсе не выступал «орудием божества», диктующего ему песнь, он был избранником и учеником музы.

Можно было остановиться на двух главных ингредиентах творчества: божественном даре и собственном мастерстве, приобретенном в обучении. Однако с этим спорили другие стихи поэмы, где наряду с необходимостью таланта как дара богов, длительного сложного обучения – выдвигалась еще одно условие творчества – постоянное совершенствование в тренировках, обретение зрелости и опыта. Причем, поэтический дар лирической поэзии ставился в один ряд с военным искусством, пляской, игрой на кифаре и собственно пением: «ведь бог одного одаряет военным искусством, другого – пляской, третьего – кифарой и песней». Она несколько раз перечла сравнение опробующего свой лук Одиссея с человеком, настраивающим музыкальный инструмент перед выступлением, где еще раз подчеркивалась важность опыта и мастерства. И с точки зрения Ларисы Петровны, эти важные качества могли быть привиты на всю жизнь лишь правильной методикой обучения.

В «Одиссее» аэд представлялся не просто человеком «нужной профессии», но *своим*, столь же необходимым, как врач или строитель.

*Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадалелей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом...*

Читая эти строки, Лариса Петровна всегда вспоминала слет первокурсников, где умирала от тоски до тех пор, пока не явились аэды с гитарами. И уж чтобы окончательно утешить душу, она записалась в «Клуб самодеятельной песни», потому что у девочек в комнате была гитара, а их вахтерша показывала аккорды скучавшим под ее присмотром девицам.

Правда, в клубе мало кто ценил аэдские страдания Ларисы Петровны, тут же решившей повторить подвиг Гомера. Но некоторые песни о пророческом даре аэдов и их близости к музам – были восприняты тепло, а многие молодые аэды, хоть и смущались пылкости новоявленной коллеги, будто бы даже растрогались от ее тоненького голоса, которым она воспевала всех членов приютившего ее клуба.

*Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению муза; ей мило певцов благородное племя*

После этих вечеров ее частенько провожал их замечательный баритон, с которым они еще долго брэнчали на гитаре и пели перед вахтой. Лариса Петровна, ни минуты не сомневаясь, сразу ответила ему согласием, когда после защиты диплома молодой человек предложил ей руку и сердце, понимая, что может навсегда лишиться самой преданной поклонницы своего волнующего баритона.

Соседки по комнате считали, будто Лариса Петровна польстилась московской пропиской. А сам ее избранник искренне полагал, что покорила ее сердце своим пением. На самом деле он навсегда ее пленил еще на третьем курсе, когда они всем клубом отправились на какую-то замерзшую в лесу дачу. Лариса Петровна тогда с ужасом поняла, что и сама навсегда там замерзнет, как тот клен обледенелый, про который они пели хором. Именно тогда их баритон

нисколько не растерялся и куда больше своего пения потряс воображение девушки умением растапливать русскую печь и варить в ней потрясающе вкусную гречневую кашу из пакетиков. Кто сказал, что через желудок можно найти путь только к сердцу мужчины? Сердце Ларисы

Петровны расцветало, а душа согревалась, как только она замечала, что на заседания клуба ее аэд приходил из дому не с пустыми руками. Из пластиковой кошелки призывно торчало горлышко красненького возле каких-то кастрюлек, завернутых газеткой. После картошечки, сохранявшей тепло в его импровизированном термосе из полотенца и газет, вприкуску с малосольным огурчиком, селедочкой, замаринованной с лучком и перчиком – Ларисе Петровне было особенно приятно громко петь про обледеневшие клены под метелью белой. Вахтерша их не только не прогоняла, но каждый раз пыталась наставить жилицу на путь истинный: «Ты смотри, Петровна, какой правильный мужчина! Такие на дороге не валяются! Да и ты возле такого ухажера вся расцветаешь, а ведь когда аккордам училась, смотреть не на что было! Сморчок сморчком! А нынче-то после домашнего питания – так ведь есть на что посмотреть! А как поет... как поет, шельма!»

Уже после замужества ее любимый

баритон рассказал о случайном разговоре с приятелем о пользе домашнего питания. Муж ее стоял на автобусной остановке с рюкзаком за спиной, загруженным мясом с близлежащего мясокомбината. И перед самым приходом автобуса подбежал его давний знакомый, тоже недавно женившийся. Поэтому всю поездку на четыре остановки до дому они взахлеб делились впечатлениями от семейной жизни.

Приятель пожаловался, что его жена увлеклась вегетарианством, поэтому дома они почти не едят, он, собственно, к матери поужинать ездил, дома все равно шаром покати, холодильник пустой, ничего нет, кроме вареной свеклы. Ларкин муж смотрел на исхудавшего, недовольного жизнью друга круглыми глазами, заметив, что тот мог бы и сам купить мяса, а не закладывать жену перед свекровью. С трудом проталкиваясь к выходу с рюкзаком, он на прощание пробормотал другу, что если он сам сейчас не принесет Лариске мяса, она его на ужин сожрет. А если теща приедет и борща в доме не обнаружит, то будет неделю пилить их обоих за «вегетарианство».

Детские и юношеские порывы к искусству у Ларисы Петровны были надолго прерваны её замужеством, переездом с одной съемной квартиры на другую и судорожными поисками работы. Она уже неоднократно пожалела о московской прописке своего мужа, потому что одна дорога «работа-дом» начала поглощать существенную часть ее жизни. В прошлое уходили не только ее милые шатания под обледеневшими кленами, увлечение Гомером и пение под гитару, иногда Ларисе Петровне казалось, что от всей ее жизни остались прогоны до одних и тех же автобусных остановок с мучительными пересадками.

Но домой каждый из супругов старался тащить что-то непременно вкусное, чтобы порадовать свою половинку. На появившихся книжных развалах они купили «в семью» несколько роскошных поваренных книг 50-х годов и старались почаще удивлять друг друга вкусным кусочком, что в целом скрашивало все сложности их совместного быта между двумя пересадками «с работы домой».

Однажды она увидела объявление в метро о наборе дикторов телевидения, и, твердо решив наполнить свою жизнь тем смыслом, к которому стремилась с детства, отправилась покорять голубые экраны страны. Она попала в самый последний набор на Всесоюзные курсы повышения квалификации работников телевидения, накануне разрушения СССР. Закончив курсы, она начала работать в блоках утренних программ, которые смотрели пенсионеры и домашние хозяйки.

В Ларисе Петровне бурлили творческие силы, поэтому она постоянно просилась диктором в новостные программы, втайне мечтая стать ведущей ток-шоу, которые набирали в то время огромную популярность. Но, глядя на ее лучившуюся уютом и банальным семейным счастьем физиономию, ей мягко отказывали, выбирая для новостей стервозных...вегетарианок.

Муж, по поводу ее появления «в телевизоре», дразнился дома – «Огородные новости», поскольку ей все чаще приходилось записывать передачи в свитере и сапогах на садовых участках преподавателей сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Ларисе Петровне, никогда в жизни не копавшейся в собственном огороде, пришлось детально и методично прорабатывать каждую сказанную фразу так, как она никогда не считала нужным трудиться над более точными науками. В конце концов, овощные культуры, а в особенности огурцы, стали для нее настолько родными и близкими, что она часто задумывалась, насколько это полезная культура земледелия, раз так помогает не замерзнуть обледеневшим кленом их маленькой семье.

А потом у них случилось тихое ласковое счастье – вынашивание и рождение дочери. На ней сразу же сосредоточился весь мир Ларисы Петровны, не понимавшей, как она раньше жила без своего Солнышка.

Почти два года Солнышко была неотъемлемой частью своей мамы, так как счастливая бабушка за одну ночь сшила им удобную сумку-кенгуру. С этой сумкой мама и дочь превратились в какой-то педагогически-биологический симбиоз. Соседи каждый день видели парашютиста: бесформенное создание в красной куртке, перемотанной стропами рюкзака с детским питанием и памперсами, а спереди – лямками сумки-кенгуру с радостно улыбающимся Солнышком.

Однажды в таком виде они повстречались с режиссером известного ток-шоу, который уже к тому времени начал называться иностранным словом «продюсер». Мельком окинув их безразличным взглядом, он сквозь зубы процедил вместо приветствия, что никогда не сомневался, что в Ларисе Петровне не было никакой «изюминки». Ни одна их ведущая не позволила бы себе бездумно бродить с ребенком на животе, снижая творческий потенциал национального телевидения.

После этой нечаянной и столь же неприятной встречи Лариса Петровна выкроила деньги на покупку прогулочной коляски дочери и даже попыталась немного отдалиться от нее, не сливаясь в одно целое. Вначале она это делала, чтобы как-то повысить творческий потенциал родного телевидения, все больше начинавшего походить на плохую провинциальную пародию американского. Но потом ей стало нравиться смотреть на подраставшую дочь как бы «со стороны», ведь пока та болталась у нее на животе, она никак не могла разглядеть ее всю целиком.

Как могла, она оттягивала момент возвращения на телевидение, от которого не ожидала ничего хорошего. Хотя, находясь в отпуске по уходу за ребенком, она подрабатывала устройством и проведением концертных программ классической музыки. Перезнакомившись

со многими музыкантами, жившими впроголодь, она составляла какие-то интересные тематические вечера, стараясь учесть профессиональные возможности и творческие интересы своих новых знакомых. Сама она на сцену, как правило, не выходила, поскольку дополнительно руководила записью концертов на стареньком оборудовании для медленно хиревших государственных каналов радиовещания. Перед каждым концертом оборудование приходилось чинить, поэтому Лариса Петровна всегда носила с собой еще студенческий набор отверток, а среди музыкантов с консерваторским образованием за ней закрепилась прозвище «Инженерша».

На телевидении Лариса Петровна обнаружила, что все места заняты отнюдь не «случайными людьми», все попали не с всесоюзных курсов, а по высокой протекции, которой у нее никогда не было. Ее «Огородные новости» давно превратились в гламурные репортажи о ландшафтной архитектуре на дачных участках известных творческих личностей и политических фигур.

Ларисе Петровне достался небольшой клочок неводеланной пустоши о новостях классического искусства, а ее огородик сузился до крошечных утренних реприз «Зимний сад на подоконнике».

Вместе с тем ее все чаще ангажировали на организацию и проведение программ широкого профиля практически на всех площадках Москвы. Перед ее глазами проносились Кремль, Концертный зал Россия, Большой театр, Колонный зал, Залы консерватории, Концертный зал имени Чайковского, Международный Дом Музыки, МХАТ, Манеж, Метрополь...

После рождения ее Солнышка будто что-то переменилось в отношении к классической музыке. Вместо полупустых залов Лариса Петровна обнаружила заинтересованную публику, жадно впитывающую каждый звук, тонко реагируя на малейшую фальшь. И в то же время она понимала, что большинство музыкантов, которых она старалась достойно представить слушателям, понятия не имеют о гомеровской притче про Фамира Фракийского.

Никаких высоких задач, кроме приземленных материальных интересов они не ставили. На ее телефонные звонки с попыткой объяснить концепцию концерта, принципы составления программы, большинство из них отвечало: «Сколько?..»

Она не любила быть с артистами за кулисами, где они обменивались опытом, где и за какую шабашку им заплатили больше, а где их «кинули», даже не накормив. О «высоких задачах искусства» они говорили исключительно на камеру, если у них брали интервью. Их заученные однотипные выражения звучали фальшиво, но кого это трогало? Музы давно покинули их «шабашки», «гала» и «сборные солянки». А потому, стоило отойти журналистам от музыкантов, как они с прежней горячностью начинали обмениваться телефонами организаторов концертов, ставя против каждой фамилии его обычную почасовую таксу.

Вначале она думала, что такое отношение – результат длительного пренебрежения высоким искусством, когда люди, собиравшиеся в зрительных залах, просто выживали и спасали семьи. Она думала, что стоит подождать немного – и ее музыканты вернутся к творчеству. Но концерт сменялся концертом, одна площадка сменяла другую, а ее все также отводили в сторонку не для того, чтобы поблагодарить за рассказ о творческих достижениях, а чтобы высказать недовольство низкой оплатой и выяснения, сколько она – «захапала себе за конференс».

Терпению ее пришел конец, и после одного из концертов она твердо решила поставить на этом точку, понимая, что это уже вовсе не ее история. По наивности она думала, что, сможет реализоваться возле чужих историй из-за невозможности найти себя в выбранной профессии после развала страны. Наступил момент, когда Лариса Петровна поняла, что в суматошной организации чужих концертов и случайных овощных новостях в телевизоре – она вполне может пропустить самое начало истории Солнышка. На минутку представив, как ее дочь будет ходить к ней на работу и сидеть с дежурными операторами или с публикой на записи очередного шоу, слушая в перерывах ворчание о низких почасовых ставках, она решила искать для себя что-то более приземленное.

Тут она обнаружила, что все эти люди, пенявшие на ее оплывшую после рождения дочки фигуру, слишком заурядную внешность и отсутствие стервозности в характере, – не могут без нее обойтись. Стоило ей написать заявление об уходе с телевидения, как тут же все вспомнили о требованиях телезрителей возобновить нормальное огородное вещание и внезапно проснувшуюся тягу широкой аудитории к классической музыке. Те самые музыканты, упорнее других выяснявшие, сколько она получает за концерт, звонили ей домой в полном недоумении, обнаружив, что кроме почасовой таксы им хочется быть представленными публике по-человечески.

Ее так долго гнали с ее огородика на подоконнике и радиорубки при «сборных солянках», так долго ей доказывали ее ненужность и несостоятельность, что не могли подобрать слов, после которых она могла бы остаться. Она никогда не имела столько эфира, работая на полную ставку, чем теперь, когда ушла отовсюду. Включив телевизор, она с удивлением обнаруживала повторы своих огородных шоу и записи концертов, будто все дожидались, когда она уйдет, чтобы хоть таким образом оценить ее труд.

Одно известное издательство на волне огородного интереса предложило ей написать книгу о тепличных культурах. Лариса Петровна и не подумала отказываться, твердо уверенная, что лишь она может рассказать об этом интересно и содержательно. Она использовала весь свой методический талант и создала сей труд из серии «Тепличное телевидение». В книге «Помидорчики с окошка» она подробно описала многочисленные сорта и гибриды томатов, дала ценные рекомендации по их возделыванию в открытом грунте и в теплицах, подробно рассмотрела типы культивационных сооружений, минерального питания и удобрения, а также средства защиты растений от вредителей и болезней. Закончив объемное предисловие «для овощеводов-любителей и специалистов сельского хозяйства», она категорически потребовала достойный гонорар, и они всей впервые семьей поехали отдохнуть к морю.

Под ласковый шепот волн, зорко отслеживая активный отдых мужа и дочки, Лариса Петровна думала о том, как ей все же устроить свою жизнь так, чтобы больше никогда не тратить

драгоценное время на дорогу с концерта на концерт с набором отверток. Меньше всего ей хотелось писать труд про огурцы и тыквы, о чем ей дважды звонили из издательства.

Волны накатывали ей на выставленные подошвы, солнце старалось подрумянить ее серые щечки и вернуть улыбку, потерянную где-то в вечной автобусной толкотне. И Ларисе Петровне вдруг захотелось заняться чем-то неспешным и рутинным, невероятно скучным и монотонным, чтобы навсегда освободиться от тяжелых раздумий, нервных переживаний, чтобы впредь отвечать лишь за себя и свою семью, чтобы никому и в голову не пришло допытываться у нее, сколько она берет «за выход».

Под стук колес в поезде, которым они возвращались домой, она окончательно решила осесть в Подмоскovie и найти работу поближе к дому. Засыпая возле разметающейся во сне дочки, она подумала, что слишком много времени потратила на чужие «творческие достижения» там, где совершенно не ценили не только ее усилия, но и саму возможность творчества. А к ней вообще относились как к пустому месту, воспринимая все, что она делала – как должное. Сколько раз ей в лицо говорили, что она «кормится» у их творчества. Однажды ей как бы в шутку заметили, что она еще должна им всем приплачивать за возможность «вращения в сферах высокого искусства». Странно, что вообще заметили ее уход.

Стараясь не свалиться с полки на давно не мытый пол, она впервые за много лет захотела вновь вернуться к Гомеру, которого считала навсегда забытым и даже «ненастоящим». Смешно было сравнивать, что же дал ей «ненастоящий» Гомер, - с тем, что она получила от своего «вращения в сферах высокого искусства».

Но, подумав обо всем после встречи с теплым и ласковым морем, Лариса Петровна с легкостью отпустила все свои несостоявшиеся надежды, решив надеяться только на лучшее. Она вспомнила, что всегда немножко стыдилась других людей, чувствуя себя невероятно счастливой... на фоне многих других судеб. И в полутьме спавшего вагона ей на минуту показалась ненужной и ненастоящей вся ее «жизнь в искусстве», кроме мамы, ее баритона, Солнышка и Гомера.

Новую работу она себе нашла недалеко от дома, став дежурным системным администратором в банке. Работать приходилось с молодыми неженатыми мужчинами, многие из которых приехали из провинции. Компьютерная техника была им намного привычнее, чем для Ларисы Петровны, не имевшей в то время собственного домашнего компьютера. Почти все ее коллеги еще со школы подрабатывали сборкой компьютеров, а ходить с набором отверток повсюду для них было намного привычнее, чем даже для нее.

У них был свой жаргон, до которого ей не хотелось опускаться, свои интересы и увлечения. Лариса Петровна почувствовала себя полностью изолированной в этой новой среде, где у нее к тому же далеко не все получалось. Впрочем, и ее новые коллеги смотрели, на нее, как на пустое место, но лишь потому, что она была явно «не их романа». В целом же эта новая работа ей понравилась, а сама атмосфера их каморки, набитой знающими себе цену молодыми людьми и компьютерами, показалась ей дружелюбной и открытой. Хотя в целом ее нынешняя скромная должность была слишком далека от мира искусства, куда она так стремилась под влиянием Гомера и обрушения прежних планов на будущее.

Плюсом в новой работе была возможность неограниченного пользования Интернетом, который Лариса Петровна открыла для себя случайно, но тут же ушла в него с головой. Постепенно освоившись с новыми обязанностями, исчерпав первое потрясение Интернетом, она начала интересоваться, чем заняты другие, более продвинутые системные администраторы. Лариса Петровна стала замечать, что иногда ее новые знакомые, забросив все необременительные в тот период обязанности, погружались в чтение свежих публикаций блога некой дамы, сетевой псевдоним которой она уже неоднократно слышала в их разговорах. Вспомнив свою начатую, но так и не дописанную книгу про огурцы, она решила не читать блог, носивший откровенно издевательское название «Огурцова на линии».

Честно говоря, Лариса Петровна немного побаивалась Интернета, видя, как легко можно здесь получить психологический удар, раскрываясь перед невидимой тебе аудиторией. Поэтому

сама предпочитала больше читать, не рискуя участвовать в дискуссиях и дебатах на многочисленных форумах.

Лариса Петровна видела, насколько бессмысленно в сети изображать кого-то, кем человек не являлся на самом деле. Если на каком-то ресурсе не пользовались дутыми рейтингами и «накруткой» посещений, там немедленно поднимались совершенно иные кумиры, у которых «в реале» были изначально перекрыты любые возможности самореализации. Здесь никто не мог знать наверняка, какая у кого внешность и фигура, имеет ли человек влиятельных родственников или знакомых. Зато каждому можно было легко определить цену после двух-трех торопливых комментариев.

В тоже время многие «публичные фигуры» в сети выглядели неинтересно, с них шелухой слетала созданная рекламными кампаниями репутация, поэтому за большинство из них приходилось писать специально нанятым людям, что окончательно опускало их в глазах пользователей Интернета.

Чисто методически сопоставив рейтинги ведущих блогов, Лариса Петровна поняла, что многие их посетители переключились на чтение этого нового вида интерактивной «сетевой литературы» в поисках свежих мыслей и искренних чувств, окончательно утратив интерес к телевидению. Молодые люди вокруг нее подхватывали из Интернета какие-то словечки, сами вносили в сетевой обиход свои профессиональные выражения. И Лариса Петровна понимала, что ей придется навсегда распрощаться со своей мечтой стать ведущей ток-шоу... по объективным причинам, не из-за корпоративных интриг или внешности, а просто потому, что время ток-шоу ушло с появлением Интернета. Здесь каждый мог высказаться без участия ведущего, обозначить волнующую именно его тему, и каждый вечер где-то в сети возникало настоящее захватывающее ток-шоу, стоило кому-то безошибочно попасть в болевую точку общественных проблем.

Все чаще ее коллеги отругивались выражениями, почерпнутыми в блоге «Огурцова на линии», хозяйка которого тщательно разрушала все сложившиеся к тому времени стереотипы. Один молодой человек сказал при ней другому: «Я тебе что, книжка на полке?», и они понимающе рассмеялись. Хозяйка блога неоднократно заявляла, что она – «не книжка на полке», имея в виду стереотип, сформулированный ею как «хороший писатель – мертвый писатель».

Слушая пикировку своих молодых коллег, Лариса Петровна даже задумалась на минуту, смогла бы она сама воспринять творчество Гомера столь однозначно, если бы он не был для нее «книжкой на полке», освещенной веками благоговейного отношения самых выдающихся людей своего времени? Ей на минуту стало страшно, сколько всего она могла лишиться в жизни, если бы восприняла Гомера в русле обыденности, в условиях призрачной виртуальной «доступности» – как очередного сетевого пользователя, своего современника, решившего поделиться собственным мнением. Она видела, как многие, пользуясь этой «доступностью» самой «мадам Огурцовой» - с легкостью причиняют ей боль, как она выражалась, «пользуясь случаем». Но все же после ее замечаний, что таким образом они не стали бы вести себя в реальной жизни с близкими и знакомыми, разговаривать в подобном тоне с женщиной, - многие меняли установившиеся стереотипы сетевого поведения сбросивших с себя «оковы» культуры, вырвавшихся «на волю» дикарей. Она мысленно согласилась с блогершей, что культура – не только защищает окружающих от худших сторон человеческой натуры, но и самого человека ограждает от негативного воздействия окружения. Несколько раз ей доводилось видеть, как «мадам Огурцова» расправляется с людьми, решившими воспользоваться ее сетевой доступностью. После этого слова «я тебе не книжка на полке» - стали звучать с нескрываемой угрозой.

Довольствуясь эпизодическими посещениями, самого «Огуречного блога» она сторонилась как можно дольше, хотя молодые люди, несколько раз видевшие повторы ее передач на огородные темы и по-своему истолковывавшие ее нежелание знакомиться с новым ресурсом, - уверяли ее, что в блоге нет ни одной статьи про теплицы и огурцы. Она куда лучше их понимала, что это было отнюдь не простое чтение, где можно было согласиться с автором или опровергнуть его точку зрения. Она видела, как один из посетителей блога интересовался на

своей страничке в социальных сетях - какие книги ему почитать, чтобы суметь «поспорить с мадам Огурцовой». Саму хозяйку блога спрашивать о списке «внеклассного чтения» не имело смысла, по такому поводу она заявляла, что всегда сумеет выразить мысль в *бесспорной* форме. Спорить с ней не имело смысла, но Лариса Петровна была не готова принять ее «бесспорную форму» так, как когда-то она навсегда приняла Гомера.

Лариса Петровна, как могла, оттягивала этот период погружения в совершенно новый вид литературного творчества, когда все мысли и чувства обретали форму прямо у нее на глазах. Зная себя, она просто ждала момент, когда любопытство возьмет верх, а желание приобщиться к этому удивительному процессу станет практически невыносимым.

Такой момент наступил, когда однажды на работе все молодые люди, забросив все свои обязанности и поручения по команде «огурцова жжот!», засели у компьютеров с «огуречным чтением», поскольку «мадам Огурцова» решила высказаться... по половому вопросу. Они покатывались от смеха, бросая на нее взгляды искоса, стараясь не смеяться слишком громко.

Основными ее темами были макроэкономические проблемы, история и культура России, большая проза, государственное управление, системный анализ... Сама ее «обычная» тематика и у Ларисы Петровны вызывала острое желание выйти и шелкнуть по носу провинциальной даме, рассуждавшей обо всем так, будто она – «пуп Вселенной», как сама иногда посмеивалась над чьими-то высокопарными рассуждениями. Останавливало лишь опасение, что сама эта «мадам Огурцова» может ответить так, как она ответила другой молодой девице, поинтересовавшейся у знаменитой блогерши со свойственной молодости высокомерием: *«А вы живете половой жизнью?»*

Сам презрительный тон вопроса означал, что поднимаемые проблемы волнуют «мадам Огурцову» исключительно из-за ее личной несостоятельности в определенных аспектах бытия. Подобный вопрос мог смутить кого угодно. Лариса Петровна вспомнила неприятные вопросы о том, сколько она берет «за выход» и как пыталась в ответ пролепетать какие-то оправдания. Если бы ее спросили с такой безапелляционностью, она, наверно, попыталась бы объяснить собеседнице, что у нее замечательный муж, но ее тоже волнует макроэкономика и управление, потому что она – живой думающий человек. Но она понимала, что девица (за которой мог стоять кто угодно) на этом не остановится. Если человек решил начать знакомство с оскорбительного вопроса, он непременно доведет дело до конца. Но «мадам Огурцова» проявила полное понимание такому интересу к ее половой жизни, поддакнув собеседнице в том плане, что ее половая жизнь далека от совершенства *«Живу... но не так, как вы, конечно! Непрофессионально!»*

Смысл ответа не сразу дошел до девицы, попытавшейся заранее заготовленными фразами пояснить, что «мадам Огурцова» поднимает самые большие проблемы – по причине полного фиаско в личной жизни. Хозяйка блога лишь поддакивала «собеседнице» остроумными замечаниями на грани допустимого, ловко выставляя скандалистку в крайне смешном виде. Она нисколько не отрицала свой возраст, говоря, что перед «неопытной в сексуальной жизни девушкой» она имеет не только обширный опыт, но и непререкаемый авторитет в затронутой ею области. И понемногу в этом общении становилось понятно, что против «мадам Огурцовой» выступает вовсе не «девушка», а вполне сложившийся мужчина, которому та несколько раз намеренно наступала на «больное место».

А чего со мной спорить? Как бы хорошо вам с кем не «спалось», о впечатлениях спрашивают не у вас, а у меня. Это ведь я еще выкинула отсюда массу желающих выложить свои причиндалы для моего пристального изучения! Взгляните, всем отчего-то требуется мое мнение эксперта в этом вопросе. Вашим мнением пока здесь никто не интересовался. Это потому, что моему вкусу люди доверяют, а вашему — нет.

Понимаете, некоторым нравятся дешевые распродажи, некоторым — секонд хэнд. Некоторые вообще предпочитают дешевый привоз. Но при этом во вкусовых пристрастиях нормальные люди все-таки стараются ориентироваться на мнение эксперта. Потому, какая разница, что вам понравилось или не понравилось и что может понравиться в дальнейшем? Я ведь уже все перепробовала в своем возрасте, поэтому, когда скажу, что у кого-то недостаточно твердая сосиска, это уж так и останется. Более того, станет классикой жанра.

При этом она нисколько не оскорбляла мужчин, а говорила о них с нескрываемой симпатией и даже благодарностью, хотя Лариса Петровна понимала, что в текущих условиях общего бардака вялотекущего экономического кризиса можно было лишь поиздеваться на счет «жизни половой» большинства пользователей сети Интернет. Ведь никто из них от хорошей жизни сюда не попадал.

Поэтому никто из тех, кто хапнул в России то, что принадлежит не могло никому в отдельности, уже не занимается жизнью половой настолько, чтоб такое в романах описывать. В лучшем случае, срывается с катушек пошло и как-то... стохастически. И первое же поколение их отпрысков российские деньги не удержит в руках. Вы это увидите сами. Это заведомо кризисная схема, исключая все жизненные радости, никакого отношения не имеющие к деньгам.

...И когда вы станете задумываться над тем, почему это все происходит, вспомните мои слова: «Это Россия возвращает свои деньги. Это Россия мстит за своего мужика, которого надо обобрать, да еще и унижить перед женищинами!»

«Мадам Огурцова» вышибала аргумент за аргументом, стараясь не разделять мужчин и женщин, а напротив придать им новое дыхание, пробудить придавленный обоюдный интерес. Развивая достигнутый успех, она рассмотрела биографии дам, олицетворявших «женские движения», к которым никто не предъявлял никаких претензий по поводу их половой жизни. Удивительно, но ни одна из них не смогла вырастить и достойно воспитать детей, похвастать крепкой семьей и безупречным поведением в обществе.

При этом «мадам Огурцова» придерживалась доверительной интонации, за которой сквозила неприкрытая насмешка. И когда она сказала, что «*Лучшие женские движения — это синхронные с мужчиной. Для страны, для семьи, для здоровья самой женщины!*» - Лариса Петровна поняла то, чего не понял никто из читавших в этот момент блог Огурцовой.

Она осознала, что в России больше не будет никаких «женских движений», поражающих ее внутренней лживостью, беспардонным наездом на все общество, вызывавшей нескрываемый страх перед теми, кто мог за ними стоять. Какие бы средства не были положены в основу их

создания и существования, одной этой фразой «мадам Огурцова» покончила с ними раз и навсегда.

Лариса Петровна внимательно прочла вполне откровенное высказывание блогерши о том, что она чувствовала и сама в ходе «демократических преобразований»: «мадам Огурцова» сказала, что рассматривает происходящее в качестве масштабной попытки уничтожить тонкую природу русской женщины. Она анализировала создаваемые условия «безвременья» или «переходного периода» в никуда, когда в первую очередь страдали женщины и дети. В попытках перевести любое обсуждение общественных проблем на «половую почву», в намеренном создании бессмысленных «женских движений» в стране, где женщине никогда на самом деле не было нужды бороться за свои гражданские права – она видела попытку извратить отношения мужчины и женщины, придав им какой-то склочный «политический» смысл.

Но она не останавливалась на обычной констатации, тут же несколькими фразами уничтожая возникшее отчуждение так, что молодые люди, с восторгом читавшие уморительные замечания блогерши по «половому вопросу», начинали вдруг немного иначе вести себя с женщинами в реальной жизни. Куда-то исчезала напряженность и обособленность, появлялся интерес и даже уважение, от которого Лариса Петровна начала отвыкать.

Она нисколько не сомневалась, что за плечами самой хозяйки блога была не слишком удачная или счастливая личная жизнь. Но даже ее молодые коллеги-мужчины вполне оценили, как эта дама сумела подняться над своими личными, чисто женскими обидами на мужчин, – уже не для себя лично, а для более органичных отношений между мужчиной и женщиной у новых поколений ее читателей. Несколько фразами уничтожая создаваемую десятилетиями пропасть, она «отжимала» из этой сферы беспринципных функционеров и любителей «клубнички».

Особенно мужчинам понравилось, как «мадам Огурцова» отметила, что пока многие порядочные мужчины проигрывают в жизни отнюдь не более талантливым или предприимчивым, а тем, кто пользуется женскими методами, которые в мужском исполнении превращаются в откровенное бабство, навязывая женщинам несвойственные им модели поведения, заставляя «омужичиваться».

Скажем обтекаемо, что моя-то природа не совсем женская, конечно. Поэтому я могу не только пожалеть себя, после замечательной концовки «они долго пытались уничтожить ее как женщину, а потом почему-то все умерли», но и проанализировать столь неадекватное поведение.

Именно поэтому я могла в полной мере ощущать, что этими наскоками меня пытаются уничтожить как женщину. Без всяких скидочек, с четко поставленным ударом на женскую физиологию. А это не есть хорошо, за такие вещи природа будет карать столь же расчетливо и безжалостно, в нескольких поколениях.

Но когда в тебе стараются убить женщину, возникает искажение восприятия действительности, ведь и женская природа подсказывает, что, в первую очередь, жалеть надо себя-любимую. А когда тебя начинают жалеть другие – это достаточно унижительно.

Во-вторых... мир потому начал вдруг отворачиваться от нашей женской природы, милые дамы, что мы позволили некоторым представителям социального слоя на букву «му» - пользоваться нашими исконными, женскими стратегическими методами.

Эти методы выпускать из рук нельзя. Что тогда нам-то остается? Где широта диапазона? Да и некрасиво омужичиваться настолько, чтобы забывать наши исконные навыки. Тащить теперь с мужиками в одной колонне? И чтобы всякие гламурные пустышки из себя перед нами «женщин» изображали?

Нет-нет, давайте, чуточку перестроимся, дамы. Ведь конечные цели наших гендерных колонн абсолютно различны. Мужчинам надо топтать вкалывать в высших иерархиях оперативного управления, а нам надо собою заменить нынешних обительниц спа-

салонов, музыкальных гостиных, запросто рассуждающих о зарубежных шопингах и других маленьких радостях жизни. И вообще-то давно пора адекватно ответить за постоянное выворачивание нашей жизни наизнанку так, что мы оказываемся вынужденными вкалывать куда больше нормального здорового мужчины.

Хотя бы для того, чтобы раз и навсегда отбить у некоторых охоту ныть за бюджетный счет о «страданиях народа». Хватит, пострадали. И пускай эти «страдальцы за народ» не загораживают дорогу «женщине с ребенком».

Лариса Петровна вспомнила удачные карьеры, которые видела за последние годы, и мысленно согласилась с хозяйкой блога. На ее памяти никто из знакомых мужчин не выдвигался за профессиональные качества, талант и работоспособность. И в каждом таком «выдвиженце» сквозило чисто женское желание «пристроиться в жизни», как в молоденьких девушках издавна было заметно желание немедленно выйти замуж.

Блогерша считала, что дамам ни к чему бороться с мужчинами за «процентное соотношение» во власти, а напротив надо бороться за то, чтобы во власть попадали настоящие мужчины, не опускающиеся до откровенного бабства на государственном поприще. И это она предлагала достигать «мягко, по-женски, так, чтобы надолго запомнилось».

Придя однажды на работу, Лариса Петровна обнаружила, что накануне в системе произошел сбой. После перезагрузки пропали все ее ссылки на недочитанные статьи блога. Она набрала в поисковике фразу «мягко, по-женски...» и тут же наткнулась на короткий рассказ «Моя Мерилин», поняв откуда в народ пошли фразы, ставшие крылатыми. В рассказе описывался один день провинциальной дамы, упорно старавшейся в любых ситуациях оставаться женщиной. В одном из диалогов Лариса Петровна узнала приказку, сопровождавшую каждую переустановку системы в их компьютерах: «Молод ты еще мне систему переустанавливать!»

Телефон. Надо срочно заплатить за телефон.

- Это Миша.

- Слышу. Что надо?

- Нас сегодня ваша бывшая подруга замдеканиша, у которой вы...

- Короче.

- Просила на вас написать. Второй раз. Мы опять отказались.

- А-а... А Петровых что?

- Он тоже не написал, он сказал...

- Вот что сказал Петровых, не надо. Ты что звонишь-то?

- У нас экзамен завтра, напомнить. А то про консультацию вы забыли...

- Спасибо. Ой, я освобожусь завтра только к трем.

- Ладно, мы придем. А вам систему в тачке переустанавливать не нужно?

- А зачем ее переустанавливать? Стоит и пусть себе стоит.

- А вдруг она косо стоит?

- Миша! Маленький ты еще мне системы переустанавливать!

- Обижаете!

- Жалею!

Произошедшие в блоге полемические ристалища по половым вопросам тут же отразились и на жизни самой Ларисы Петровны - более уважительным и ласково-покровительственным отношением со стороны коллег-мужчин, в чьей помощи она действительно остро нуждалась. А спустя пару месяцев Лариса Петровна с удивлением обнаружила, что использованное несколько раз «мадам Огурцовой» слово «дама» - тут же вошло в обиход вместо раздражавшего до крайности обращения «женщина». В общественном транспорте к самой Ларисе Петровне уже никто не орал «Женщина, вы куда прете?» Даже энергично проталкиваясь на выход пассажиры теперь вежливо осведомлялись у нее: «Дама, вы выходите?»

Это были почти незаметные, ничтожные мелочи, но они как-то незаметно меняли жизнь к лучшему. Лариса Петровна это поняла после замечания «мадам Огурцовой» о том, что настоящее искусство – непременно меняет жизнь в лучшую сторону. После этого оптимистического вывода она начала методически прорабатывать все материалы ее блога.

Жизнь ее сразу наполнилась высоким смыслом, а муж только посмеивался, когда она вдруг за ужином начинала рассуждать о том, что главная идея любого искусства – это вечная борьба Добра и Зла. Она, наконец, смогла избавиться от сожалений по поводу навсегда утраченных «возможностей» на телевидении, когда жизнь ее тонула в чужих интригах, компромиссах, скандалах, суете...

Кроме чтения блога, жизнь скрашивали заботы о семье, о подраставшей дочери, которую она старалась вывести на все значительные с ее точки зрения балетные и оперные спектакли, музейные выставки и экспозиции, пытаясь привить ребенку методические подходы в освоении этой важной области бытия.

Видя, как ребенок живо схватывает и усваивает все на лету, как тянется к миру театра, классического искусства, Лариса Петровна поражалась тому, что дети гораздо легче и глубже усваивают то, что не понимает большинство взрослых. С грустью она подводила итоги своему самостоятельному развитию, искренне жалея, что не имела в детстве возможности немного больше посвятить времени методическому освоению классического искусства – хотя бы за счет освоения арифмометра.

Она старалась наверстать упущенное, понимая, что блог предоставляет для этого отличную возможность. И в какой-то миг абсолютного довольства своим скромным существованием, она почувствовала знакомый удар волн в борт своего суденышка. Ей показалось, что она вновь взошла на палубу судна и вполне готова к эпическому приключению. И стоило ей об этом подумать, как приключение не заставило себя ждать.

Имея за плечами некоторый опыт работы на телевидении, она часто задавалась вопросом, почему блог работает без каких-либо нападков столь долго? Даже со своим огородиком на подоконнике она понимала, насколько важной областью «формирования общественного мнения» является телевидение и постепенно захватывающий все большие сферы общественной жизни Интернет.

«Мадам Огурцова» же, по ее мнению, не просто навязывала какое-то мнение тупой долбежкой, как это было принято на телевидении, она вскрывала отсутствие внутренней логики в этих чужеродных мнениях и какими-то способами, присущими лишь ей одной, - действительно полностью переформатировала языковую среду. Так, что люди, которые, как и Лариса Петровна, избегали раньше читать ее блог – начинали мыслить ее категориями, как случилось и с ней самой.

Размышляя над этим феноменом, она даже подумала, что ведь многие воспринимаю историю в душе – так, как писал о ней Гомер, а не как навязывал свое видение Карл Маркс. Не нужно читать Гомера, чтобы воспринимать и собственную жизнь – как противостояние судьбе и року. Уж точно не результатом усиленной борьбы за место у «орудий производства» в постоянных скандалах «производственных отношений».

Все чаще в блоге появлялись анонимные комментарии о том, будто раз «мадам Огурцовой» пока «серьезно не занимаются», она – точно «провокатор спецслужб». Ничего криминального в блоге не обсуждалось, напротив, только там можно было, не опасаясь провокационных высказываний или оскорблений, поговорить о жизни, о пережитой всеми катастрофе разрушения страны, в которой они родились, о том, как жить дальше. Но для Ларисы Петровны, прошедшей хорошую школу «становления нового российского телевидения» было понятно, что блог уже взяли на заметку, что непременно попытаются «перекрыть линию» и самой «мадам Огурцовой».

Начавшиеся преследования блогерши после встречи постоянных посетителей на даче хозяйки блога и цикла ее статей, посвященных страстной полемике Плутарха по поводу бытовавшего и в античные времена выражения «Живи неприметно!», – она восприняла закономерным штормом в открытом море, куда рискнула отправиться, сдавшись уговорам Гомера, Плутарха и самой «мадам Огурцовой». Она высоко оценила безупречное парирование блогерши предъявляемым обвинениям, ее статьи, посвященные «государственному экстремизму» и доказательство, что любой противоправной деятельностью, опасной для государственного строя, можно заниматься лишь на бюджетные средства и при поддержке каких-то мощных государственных структур. Даже не пытаясь представить, как она вела бы себя, окажись в аналогичной ситуации, она просто разносила ссылки по сети, подписывала обращения в защиту «мадам Огурцовой» и ставила свечку в церкви за ее спасение. Каждая статья блога рождала в Ларисе Петровне уверенность, что всей разношерстной команде их корабля все же удастся прорваться к более счастливым и безмятежным берегам.

Она видела, как ее коллеги, понемногу взрослевшие за чтением этого блога, спорили о том, можно ли дать «мадам Огурцовой» скидки как женщине, если она «начнет изворачиваться». Но вначале та несколькими статьями прекратила массовые беспорядки, намеренно раздувавшиеся на национальной почве, рассмотрев спекуляции на чужой национальности – как неотъемлемый атрибут всех государственных переворотов.

Она заявила, что у взрослого человека в жизни должно быть что-то более существенное за душой, чем национальность. Да и болеть-то должна душа, а не национальность!

Лариса Петровна с ехидством подумала про себя, что вряд ли эти беспорядки прекратились бы столь же внезапно, если бы правоохранные органы не начали преследовать и травить «мадам Огурцову» с требованиями «любви и уважения к 200-ста нациям». Блогерша, попросив перечислить эти нации, к которым она должна была проникнуться уважением, пояснила впадшим в ступор правоохранителям, что в государстве может быть лишь одна нация, та – язык которой является государственным. А в статьях она рассмотрела ленинский тезис «о праве наций на самоопределение», заметив, что даже развал Советского Союза является государственным переворотом с точки зрения развития языковой среды. Если на языке некой «нации» нельзя написать инструкцию для персонала атомной станции и преподавать теоретическую механику, вести документацию по государственному управлению и т.п. – это лишь свидетельствует, что мы имеем дело с очередным государственным переворотом и гуманитарной катастрофой, в результате которой пострадают все люди, независимо от их национальности.

Ларисе Петровне все больше казалось, что она совершает опасное, но увлекательное путешествие в открытом море, потому что все больше чувствовала волнение этой самой «языковой среды» под палубой их суденышка. Стоило выйти очередной статье с точным анализом, с выявлением всех подспудных течений, как сразу же терял силу движения и «девятый вал» встречного давления.

Она уже не удивлялась, слыша в чужой речи не только аргументы, но обширные цитаты из хорошо знакомого ей блога. Серьезные переживания у нее вызвали попытки уничтожить блогершу, превратив ее в «овощ», навсегда закрыв в тепличке психиатрической лечебницы. И тогда она дала себе обещание «выйти из тени», если той удастся отбиться.

Когда это все же случилось, и «мадам Огурцова» рассказала очередной фарс, как пошла на экспертизу в психиатрическую лечебницу, а там вместо врача ее допрашивала прокурорша, о которой та знала много каких-то пикантных подробностей, Лариса Петровна поначалу забыла от радости о своем обещании себе самой. Но после она вспомнила рассуждения «подэкспертной» о том, что настоящие чудеса бывают, но она кажется естественными и даже закономерными, потому что жизнь сама по себе – удивительная и прекрасная вещь, которую отравляют люди, привыкшие жить за чужой счет, не желающие целиком отдаться творческому началу, которым проникнуто все сущее.

Тогда она робко, преодолевая собственную застенчивость, начала изредка комментировать выступления «мадам Огурцовой» в блоге и социальных сетях, пытаясь обратить ее внимание и на то, что происходило в сфере классического искусства. Все больше она начинала чувствовать не безбилетным пассажиром, скрывающимся в темноте трюма, а законным членом экипажа, в меру своих сил несшего вахту на их странном судне.

* * *

Однажды ей позвонила известная пианистка, когда-то принимавшая участие в «сборных солянках», давно канувших в небытие. Только Лариса Петровна попыталась напомнить, что больше не проводит никаких концертов, как та опередила ее, выговорив сквозь слезы: «Лариса, я знаю, что ты больше с нами не работаешь, но помоги! Пожалуйста! Ты же на телевидении работала... Может кого-то вспомнишь?..»

Лариса Петровна уже читала в Интернете о новой массовой кампании правоохранительных органов в виде «борьбы с педофилией». Удивительным образом эта кампания не касалась настоящих педофилов, против которых в некоторых городах уже восставало население. Пресса смаковала громкое дело федерального чиновника, замначальника отдела методологии и финансово-бюджетной политики департамента экономики и финансов Минтранса, приговоренного к 13 годам колонии за сексуальное насилие над собственной малолетней дочерью.

Жизненный опыт подсказывал ей, что вряд ли этот чиновник действительно проявлял какие-то извращенные методы «общения» с собственной дочерью. И ее помрачневшим коллегам – мужчинам было понятно, что либо кому-то очень понадобилось служебное кресло этого гражданина, либо он на своем месте узнал слишком много лишнего. Ее сосед, сидевший за соседним компьютером, только присвистнул, глядя на новостную ленту: «Ну, все! За мужиков взялись! Как и предупреждала мадам Огурцова!»

Она отдавала должное «мадам Огурцовой», сумевшей на своем деле раз и навсегда отучить преследовать людей за «мысли/преступления». Но после сорванной ею кампании «по борьбе с экстремизмом», проводившейся по бюджетным грантам, которые Ларисе Петровне казались чем-то вроде «лицензии на отстрел», – начался новый виток публичных издевательств над людьми – теперь по такому позорному поводу.

От некоторого избытка свободного времени в ночных бодрствованиях на банковском сервере Лариса Петровна перенесла свою склонность к методическим подходам в освоении каких-то новых знаний или профессиональных навыков – к анализу действительности. Этот подход, которым и нравился ей блог «Огурцова на линии», позволил ей связать само возникновение подобных «кампаний» с мощным бюджетным финансированием их проведения и информационной поддержкой на самом высоком уровне.

Это свидетельствовало о том, что *некто* испытывал крайнюю необходимость именно в таком диалоге «власть-общество»... А по ее мнению, именно такой диалог, переходящий в монолог «Мы вам устроим новый 37-й год!», – не имел никакой перспективы развития. Такого рода «монологи» власти означали лишь, что во власть пришли слабые неподготовленные люди, весьма обидчивые, ранимые и мстительные. Они не могли сосредоточиться на важных государственных задачах, не могли прогнозировать всех последствий подобного вторжения

государства в частную жизнь. Как остроумно заметила «мадам Огурцова», эти люди просто хотели остановить время, что и до них пока не удавалось никому.

Можно было последовать шаблонному восприятию происходящего, счесть, будто таким образом власть имущие хотят навязать обществу определенные поведенческие рамки и успокоиться расхожей фразой, мол, «история развивается по спирали». Но она слишком хорошо знала, прежде всего, из Гомера, что копирование каких-то приемов прошлого, уже получивших негативную историческую оценку и изжитых человеческим обществом, - свидетельствует о том, что у таких людей нет будущего. Их время пребывания во власти начинало обратный отсчет.

А главное, она хорошо помнила, что такие «кампании» неминуемо включали в действие силы, которые все расставляли по своим местам и восстанавливали нарушенное равновесие. Гомер обращался к ним, как к музам, неизменно находя разумное объяснение всей цепочке, казалось бы, совершенно случайных событий, на первый взгляд, не имевших никакой связи между собой.

Больше всего она думала о том, кому именно и для чего могла понадобиться очередная такая «кампания», если сами ее устроители изначально знали из истории, что такие «кампании» заранее обречены.

Невозможно было не замечать, что люди, принимавшие участие в их осуществлении, немедленно переставали быть в чем-то... людьми. Жизнь их явно теряла смысл, они начинали делать какие-то глупые ошибки, противопоставляя себя всем... *живым*. Она не могла ошибиться, она знала точно, что все, кто принимал участие в подобных кампаниях, теряли существенную часть своей человеческой личности, стоило им хотя бы однажды поучаствовать в травле живого человека по ложному поводу.

Она вспоминала слова «мадам Огурцовой», что надо лишь не дрогнуть при первом натиске такой «кампании», выстоять - и тогда можно лишь поразиться тому, как подобная напасть рассеивается без следа, а все вокруг вдруг начинают упорно делать вид, будто ничего подобного не было.

Лариса Петровна никак не могла избавиться от ощущения, что та говорит о буре, накатывающей которой надо выдержать, не утратив в себе человеческое начало. Иногда в подобных рассуждениях ей даже слышался шум огромных черных крыльев. Во всяком случае, все эти «кампании» она ощущала отнюдь не чьей-то попыткой удержаться у власти методами, которые никому ничем не помогли, - а именно натиском черной бури, где люди, мнившие себя «кукловодами» - исполняли роль жалких картонных марионеток.

Вот и сейчас, слушая всхлипы панистки, она услышала это хлопанье огромных черных крыльев почти у себя над головой. Лариса Петровна сразу поняла, что рассказанная пианисткой ужасная история травли пожилого человека, ее педагога по классу фортепиано, - является девятым валом «педофильской кампании», начавшейся с осуждения чиновника Минавтотранса.

Эти истории начались почти в одно и то же время. Маленькая дочь осужденного чиновника упала с лестницы. Перепуганные родители

вызвали скорую помощь. В детской городской клинической больнице девочке сделали все необходимые анализы, выяснив, что ребенок абсолютно здоров, если не считать ссадин. Но в анализе мочи были якобы обнаружены неподвижные сперматозоиды. Правоохранители решили, что Элю изнасиловали, и сделал это её отец. Его жена заявила, что в больнице анализы перепутали. Повторное исследование сперматозоидов в моче девочки не выявило. Основным доказательством преступления чиновника Минтранса стало экспертное заключение одного из «центров экспертизы», которые моментально возникли из ниоткуда.

Само возникновение таких «центров», как в поддержку «борьбы с экстремистами», так и для удобства осуществления «борьбы с педофилией», говорило о серьезной предварительной подготовке очередной «кампании». В случае с дочкой чиновника по рисунку ребенка, на котором была изображена женщина-кошка, эксперт сделала заключение, что на рисунке «выраженные бедра и грудь», поэтому «девочка в курсе гендерных различий и вовлечена в сексуальные взаимоотношения».

Экспертиза производила столь же шокирующее впечатление какой-то демонстративной бесчеловечностью, как и в случае с «мадам Огурцовой», где «эксперт» сам себя предупреждал об ответственности, сам себе ставил вопросы и выносил заключение на самостоятельно отобранных кусках текстов, не указывая адреса статей, где он это выбирал. Поэтому уже и в прессе осужденного чиновника стали называть не иначе, как «педофил по ошибке».

Но по понятным соображениям, сама «мадам Огурцова» предпочитала не комментировать «педофильскую историю» чиновника, хотя многие посетители блога интересовались ее мнением. Сосед Ларисы Петровны с грустью сказал: «Они нарочно такое обвинение мужику подобрали, чтобы его женщине было противно защищать. А пока мадам Огурцова в этом точку не поставит, сиди и думай, что тебе могут прийти перед проверкой из налоговой...»

Ларисе Петровне и тогда было очень жаль этого молодого мужчину, за которого сражалась одна его жена. Органы прокуратуры неоднократно старались «вразумить» несчастную, чтобы она вместе с другими ощутила радость «избавления семьи от педофила», а та лишь плакала и уверяла всех, что ее мужа оклеветали.

Лариса Петровна тогда впервые решилась написать блогерше «в личку», хотя понимала, что осужденной на двадцать тысяч рублей за некий «экстремизм», элементарно опасно бросаться на выручку «педофилу». В средствах массовой информации уже прозвучали предложения главы государства – приравнять всех «экстремистов» к педофилам, чтобы подвергнуть их не только общественному ostracismу, но и... химической кастрации. Все эти юридические нововведения подавались под соусом заботы о подрастающем поколении.

Прочитав такое, Лариса Петровна испугалась не только за себя, за мужа, за соседа по компьютеру, но и за тех, кто говорит подобные вещи вслух. Однако к таким наездам «мадам Огурцова» не осталась безучастной, заметив в одной из статей блога, что к педофилам надо приравнять, прежде всего, тех, кто уличен в коррупции и взяточничестве, поскольку мздоимцы на государственных должностях растлевают молодое поколение намного изощреннее педофилов.

На письмо Ларисы Петровны она ответила, что могла бы рискнуть и попробовать защитить этого чиновника, если бы тот раньше проявил гражданскую позицию, чтобы было видно, из-за чего на самом деле с ним приключилась подобная «педофилия». А когда они о нем ничего не знают, то сложно судить – педофил он или нет.

Вот когда к ней самой явились с обыском, она радовалась тому, что успела сказать главные вещи, потому, что бы с ней ни сделали, кем бы ни объявили, всегда можно установить истину. Из этого она сделала вывод, что Ларисе Петровне надо самой начинать более активно выступать в сети, несмотря ни на что. А то объявят экстремисткой или педофилкой – так она хоть сама будет знать, за что ей такое прилетело.

В конце письма шла приписка, что она попробует всю эту историю превратить в фарс, но не ручается, что это сильно поможет уже осужденному чиновнику. Но может это стодится кому-то другому.

Буквально через пару дней после этого письма в Интернете появились фотографии молодой женщины в кожаных трусиках и бюстгалтере, высоких сапогах и хлыстом. Девушка была снята на лесбо-садистских представлениях, в которых стремилась стать звездой подиума. Как выяснилось, эти извращенные выступления и были истинной личиной «эксперта», давшей заключение по поводу «вовлеченности в сексуальные отношения» дочери осужденного чиновника.

В «центры», спешно созданные к кампании «борьбы с педофилией», выдававшие «экспертизы», по которым людям грозило до 20 лет тюрьмы, набирали «экспертов» из садо-мазо-шоу с явными психическими отклонениями...

По этому поводу в Интернете разгорелся скандал, но, как и предупреждала «мадам Огурцова», эти пикантные подробности «из жизни экспертов» мало помогли самому осужденному чиновнику, но полностью изменили общественное отношение к его жене и дочери, а главное к подобным кампаниям «по борьбе».

Уже тогда Ларисе Петровне пришли в голову мысли самого «экстремистского» содержания. Вряд ли она могла с кем-то поделиться этими навязчивыми ощущениями, что она *видит*, будто задумывалась и претворялась в жизнь эта «педофильская кампания» вовсе не людьми. В этих историях зашкаливали ее личные представления о бесчеловечном или даже *внечеловеческом*. Иногда ей казалось, что за этим кошмаром стоит... женщина-птица с огромными черными крыльями и безжалостным взглядом. Она пыталась как-то методически анализировать эти странные фантазии, но каждый раз в сознании неизменно всплывали смертельная бледность лица, обрамленного черными вьющимися волосами, и какой-то давний страх перед бездонной пучиной холодного взгляда крылатой женщины. Впервые сдавшись на милость собственных интуитивных ощущений перед разумными доводами, которые не раз ее подводили в последнее время, она чувствовала, что эта женщина, в реальность которой она уже верила с рядом существенных допущений, - лишь прикидывалась человеком, появляясь то там, то здесь, получив почти неограниченную власть в органах прокуратуры.

- Мы уже по своим каналам попытались привлечь к этой истории телевидение, - всхлипывая, рассказывала пианистка. - Журналисты сняли сюжет о «деле» нашего «педогога-педофила» для авторской передачи, но в программе не вышел. В понедельник редактор передачи выложил сюжет в открытый доступ в Интернете. От комментариев касательно своего будущего на канале редактор воздержался. По состоянию на сегодняшний день он там работает... вроде бы.

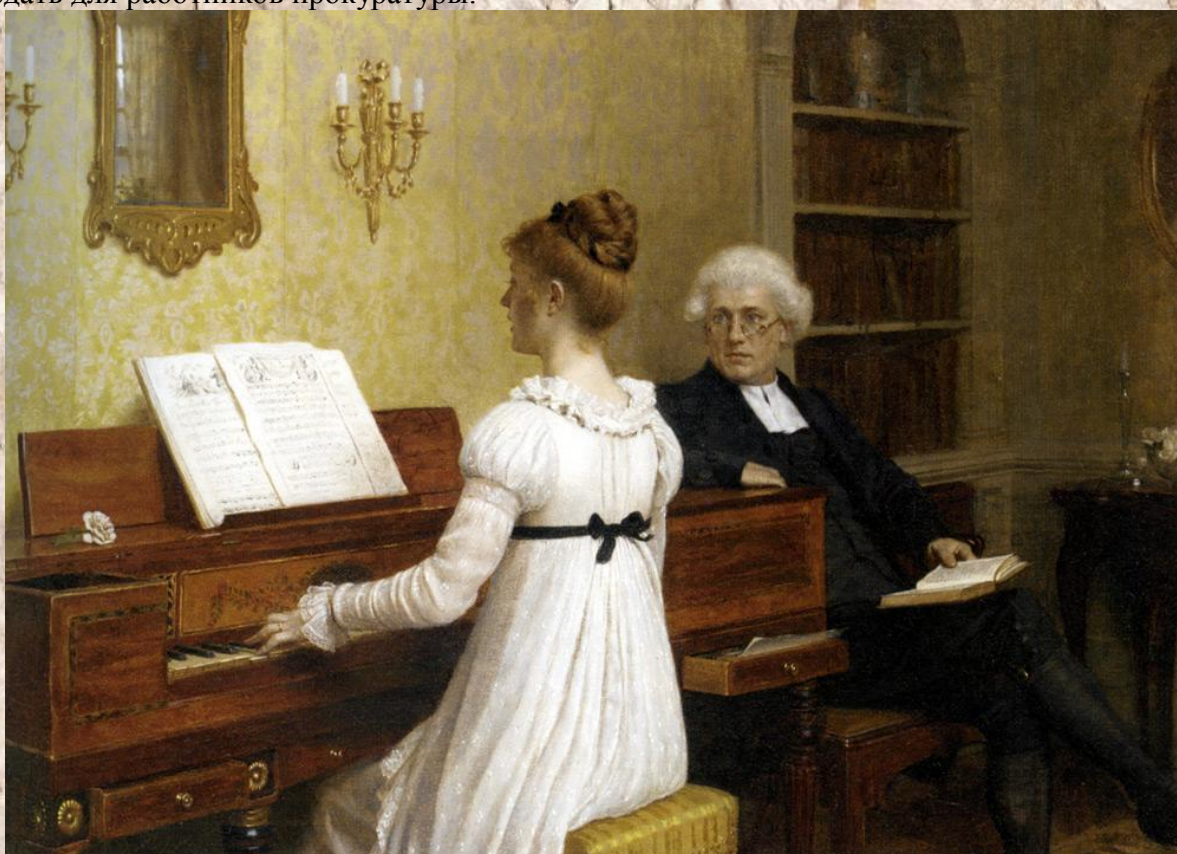
Новый скандал с «педофилией» на этот раз возник в отношении педагога центральной музыкальной школы с огромным стажем, пользующегося любовью и уважением своих учеников.

Понятно, что старых заслуженных педагогов, создавших славу учебного заведения, кому-то очень хотелось заменить на новых, пока ничем себя не проявивших, но весьма желавших воспользоваться плодами чужого труда. Ясно было и то, что новые преподаватели, «получив урок» на примере старого пианиста, объявленного «педофилом», впредь будут осторожнее, а собственное мнение будут всегда согласовывать с мнением начальства.

Ей было понятно, почему решили «поставить на место» именно этого известного педагога, мешавшего планомерно разрушать систему образования в прославленном заведении, давшем России столько известных пианистов. Но особый бесчеловечный цинизм проявлялся в том, что дети в этой травле использовались в качестве лжесвидетелей, причем, для обвинений, которые самим «пострадавшим» наносили изощренную психологическую травму на всю жизнь. И такие «педагогические новации» вполне устраивали правоохранительные органы, а главное, представляли особые «удобства» органам прокуратуры. Ведь в таком случае они вставали «на защиту ребенка, которому «показалось», а вовсе не занимались травлей живого человека, уничтожая всю его жизнь.

И все это творилось с известными людьми – в разводах, связанных с дележом имущества, в служебных разборках, при попытке освободить место «родному человечку». Между тем, наигранная «беспомощность» правоохранительных органов в отношении настоящих педофилов — уже привела к народным бунтам с попытками самосуда, поскольку эта «педофильская кампания» вовсе не была направлена на действительную защиту прав ребенка. Дети использовались взрослыми участниками «борьбы с педофилией» в качестве предлога, чтобы свести счеты с невинным человеком. Никому не приходило в голову, какую травму мог получить ребенок на всю жизнь, поучаствовав в подобных «следственных мероприятиях». Из своего личного опыта Лариса Петровна хорошо знала, что в таких случаях с правоохранительными органами можно было договориться по сходной цене, без «давления сверху». Но в случае с педагогом такое и предлагать не имело смысла. Заявление на него подала мать одной из учениц, которую он готовил к международным конкурсам юных пианисток. Девочка показывала хорошие результаты, но завоевывала лишь вторые места. Ей явно не хватало вдохновения, какой-то «искры божьей». И отсутствие этих необходимых в творчестве «мелочей» было бессмысленно пытаться наверстать муштрой. Это и пытался объяснить матери девочки старый пианист, когда она пришла просить его о дополнительных занятиях. Огорченная мать решила, что педагог намеренно старается больше заниматься с другими детьми, более талантливыми, на его взгляд, - в ущерб успехам ее дочери на конкурсах.

Написав заявление, она поинтересовалась у пианиста, будет ли тот больше заниматься с ее дочерью. Оскорбленный педагог наотрез отказался заниматься с дочкой вообще. Тогда ее мать заявила, что теперь она прекратит дело лишь после крупной суммы, которую он должен ей передать для работников прокуратуры.

- Понимаешь, Лариса, в нашей профессии очень важно иметь правильную осанку, ведь даже каждая нота приписывается – каким пальцем ее можно брать. Педагог поправляет ноги, руки, корпус... А она его обвинила, что он – «трогал» ее дочь! А как ее научишь, если не «трогать»? Но у нашего «дедушки» класс за стеклянной дверью, а в самом классе стоит диван, там постоянно сидит множество учеников! Теперь их допрашивают, как их учитель «трогал» дочку этой ужасной женщины!

Как у всякой мамы, у Ларисы Петровны имелось много претензий к педагогическому коллективу очень средней школы, где обучалась ее Солнышко. Ее претензии были связаны, в основном, с некорректным обращением учителей, которые иногда срывались на детей з-за бытовых неурядиц и большой нагрузки. Но она никогда бы не решилась устроить кому-то из учителей «крупный разговор», чтобы не навредить своему ребенку. В случае обвинений пианиста девочка, как ни в чем ни бывало, продолжала учиться в той же школе, никак не проявляя последствий в поведении. Полученной психологической травмы от «педофилии» своего прежнего педагога не демонстрирует. Это сразу же наводило на мысль, что мама с дочкой хорошо поторговались за свою «педофилию» с новым директором школы, решившим избавиться от строптивого педагога.

Пианистка рассказала, как съемочная группа с телевидения встретила с девочкой прямо в школе. И та беззаботно смеялась, проявляя исключительную беспечность. А всем своим подружкам, недовольными оценками, советовала «написать заявление» на своих учителей, чтобы решить свои проблемы с «творческими данными». И это, как она утверждала, «совсем не страшно», в прокуратуре работает «хорошая тетенька», она все протоколы пишет сама, а потом просит только подписать. И еще надо сходить с мамой в «экспертный центр», где другая «тетенька эксперт» будет расспрашивать, что она знает о том, откуда берутся дети, и за какие «нехорошие места» могут «трогать дяденьки девочек».

Руководство канала уже получило претензию от «хороших тетенок» из прокуратуры, что журналисты не имели права встречаться с «жертвой педофила», не поставив в известность следователя и мать девочки.

Слушая этот ужас о современных «новациях» в подготовке будущих пианисток, Лариса Петровна мысленно проецировала ситуацию на свою обожаемую дочь, с которой она никак не переставала оставаться одним целым, как ни старалась обособиться хотя бы из педагогических соображений. Она никак не могла допустить мысли, что устроители подобной травли не задумываются о будущем самого ребенка. Какое может быть будущее в искусстве у девушки, которая уже обвинила своего педагога в подобных вещах? Нет, ни мать, ни заказчики, ни исполнители этих скандальных «кампаний по борьбе» — никто и не думал о будущем ребенка. Но они считали, будто можно было выйти на сцену и тронуть душу человека музыкой — не только не считаясь с чьей-то большей одаренностью, но и предварительно приняв участие в уничтожении живого человека...

Музыка, по ее представлениям, была тонким проводником, сразу же добирающимся до каждой души. Странно, но мать была искренне уверена, будто у ее дочери после всей мерзкой истории издевательства над собственным учителем — могло быть будущее в творческой профессии. Ведь она заставила собственную дочь на глазах у всех предать нравственную суть искусства. По мнению Ларисы Петровны, это означало не понимать и не слышать музыку вовсе, быть каким-то... «механическим пианино», музыкальной шкатулкой. Если точнее, не иметь души вовсе. Сама эта мысль вызвала горячее желание немедленно вмешаться и навсегда перекрыть дорогу... *гарпиям*.

- Это же гарпии! — непроизвольно вырвалось у нее.

- Да, ты совершенно права! Мне тоже приходила такая мысль, почему-то, - призналась пианистка. - Сюжет не пропустили на телевидении потому, что журналисты оставили в нем бесстыдное подначивание мамы прокуроршей. Та не знала, что ей говорить, а прокурорша на камеру предложила матери написать все на бумажке под свою диктовку, вызвавшись суфлером держать бумажку перед ее физиономией при очередном дубле записи ее выступления. Представляешь?

- И это есть в Интернете? — поинтересовалась Лариса Петровна.

- Да! Только прокуратура уже написала владельцам сайта требование закрыть этот ролик, а скоро и самого режиссера уволят с телевидения, - всхлипнула пианистка.

Она особо не рассчитывала ни на какую помощь, Ларисе Петровне позвонила от полного отчаяния, понимая, что положение ее учителя стало полностью безнадежным после того, как

его взяли под стражу до суда и заключили в СИЗО. Это должно было стать не только элементом психологического давления на строптивного педагога. Органы прокуратуры хорошо знали, каким издевательствам подвергаются в заключении те, кто обвинялся в педофилии. Пианисту стукнуло уже 64 года, он имел сердечную недостаточность и массу сопутствующих заболеваний, в заключении встретил свой 65-й день рождения. Женщины понимали, что обвинение рассчитывало, что его просто прикончат в тюрьме до суда. Но опытные уголовники только посмеялись над вздорностью предъявленных ему обвинений. Его сокамерники даже попытались создать ему какие-то непрезентабельные «удобства» в его заключении, ласково называя «Дедом».

Лариса Петровна подумала, как многие нынче рвутся на телевидение, не понимая, как голубой экран выявляет все до подкорки в них самих. Даже если бы режиссер все сделал по требованию следователя прокуратуры, все равно была бы видна огромная пропасть между изолгавшейся, абсолютно бесстыдной женщиной-следователем — и пожилым человеком, которого она пыталась уничтожить по ложному обвинению. Ведь посмеялись же над ее попытками обитатели СИЗО, хотя не видели этой передачи. Она подумала, что появился какой-то новый вид «творчества» - создания удобного «нового образа», отрицающего всю жизнь человека, его настоящую личность. Но грязь никак не липла и отваливалась от старого пианиста, хотя гарпия из прокуратуры была готова его и эпоксидкой обмазать, чтобы прилепить к нему этот вожделенный ярлык «педофила»! И это с головой выдавало ее нечеловеческую сущность. Если мать девочки, зайдя за недопустимые для женщины границы, все же не могла откровенно лгать про пианиста на камеру, то эта видела в ее нерешительности сделать последний шаг — чисто «технические затруднения», вызываясь помочь с суфлерством. Она действительно не понимала, что женщина не может сделать последнего шага, равнозначного убийству собственной души.

За лицами девочки и ее мамы для Ларисы Петровны начинало маячить страшное лицо безжалостной женщины-птицы, с нечеловеческой твердостью учитывавшей все «обстоятельства дела». А главным «обстоятельством дела» было горячее желание нового руководителя элитной музыкальной школы - избавиться от художественного руководителя школы, ее «души» или, как принято говорить, «неформального лидера».

И когда в ней прозвучала эта жесткая связка «избавиться от души», она решилась сделать все, что было в ее силах, чтобы спасти несчастного «Деда» от... гарпий.

- Хорошо, я попытаюсь помочь! Но учти, ничего не гарантирую, - сказала она уже потерявшей всякую надежду пианистке.

- Лариса, хоть что-то! — залепетала та срывающимся голосом. — Мы деньги собираем на залог, чтобы хоть до суда его из тюрьмы выволотить... Ему грозит 20 лет тюрьмы, а еще хотят принять «Закон о химической кастрации», кастрировать-то будут не педофилов, как ты понимаешь... Мы в таком отчаянии! Если бы ты знала, какой это светлый человек! За что ему такое на старости лет?..

- Я тебе с телевидением ничем помочь не смогу, - твердо сказала Лариса Петровна. — Но попытаюсь помочь с Интернетом. У меня есть там одна знакомая, но она сама сейчас в очень сложном положении. Если бы она высказалась о нем... если бы только взялась! Но я ей напишу!

Вряд ли пианистка хоть на минуту поверила, будто статья неизвестной ей «мадам Огурцовой» была хоть в чем-то более действенной, чем походы на телевидение, где от ее услуг навсегда отказались, пользуясь каждую весну ее старыми записями «огородных новостей». Но Лариса Петровна и сама хваталась за эту последнюю надежду, как за соломинку, зная, что блогерша хоть попытается помочь — в отличие от телевидения, где после записи, размещенной в Интернете, с ней вряд ли кто вообще захочет говорить на эту тему, опасаясь немедленного увольнения.

«Мадам Огурцова» действительно выразила опасение, что не только ничем не поможет пианисту, но и «сделает только хуже», поскольку в этот момент начался новый виток травли

против нее – как «осужденной судом экстремистки». Ей звонили из прокуратуры, угрожали, что разберутся с ее «террористической деятельностью», если она не прекратит писать в Интернете. Она понимала, что ее не оставят в покое, поскольку знала, что на ее преследование были списаны многомиллионные бюджетные расходы. Поэтому вопрос о том, почему их результатом стал приговор на 20 тысяч рублей – неминуемо возникнет, а для нее он обернется новым витком издевательств.

Однако узнав, что коллеги и ученики старого педагога собрали около трех миллионов рублей залога, чтобы выволить его из СИЗО, она решилась и написала статью, где упомянула и чиновника Минтранса.

В принципе, ничего нового журналисты не добавили к сложившемуся по поводу этого «дела» общественному мнению, а лишь подтвердили все «смутные сомнения». Можно сказать, они окончательно развеяли любые сомнения в том, что мы наблюдаем циничное публичное издевательство и предумышленное убийство пожилого человека. Разве кому-то непонятно, что для 65-летнего педагога с сердечной недостаточностью — грозящий ему 20-летний срок тюремного заключения по сути является смертным приговором.

Для уничтожения репутации человека, к которому иным образом невозможно «подобраться» используется самое гадкое из всех возможных обвинений. Воровством во вселенских масштабах, организованными массовыми убийствами — у нас уже не удивить. Но когда на фоне народных бунтов против педофила, которого «курирует» полиция, — эти дела возникают в отношении достойных людей с безупречной репутацией, с неременной «серьезностью на морде лица» и всем букетом подчеркнуто унижительных процедур... наше привыкшее к очередным закидонам «правоохранительных кампаний» общество начинает в раздумьи чесать репу.

В ситуации с московскими «педофилами» возникает вопрос: а правильно ли поняли проблему общества люди, у которых стараниями наших депутатов оказался достаточно жуткий инструментарий уничтожения гражданских прав человека от химической кастрации — до пожизненного заключения? Не считают ли они это лишь удобным поводом для уничтожения неугодных?

Вам не кажется, что под видом «Закона о химической кастрации» (как его рисовали СМИ на этапе подготовки) протащили «Закон о принудительном лечении вялотекущей педофилии»?..

Общество на повсеместную посадку мужчин по бездоказательным обвинениям реагировало крайне вяло, СМИ преподносили «педофильские дела» крайне однобоко. В результате общество вообще не заметило, что за закон был принят недавно. А ведь это идеальная репрессивная машина, поскольку посадить по «педофильской статье» можно кого угодно — при существующей практике в судах не требуют никаких доказательств вообще. Примером может служить «дело» заслуженного педагога, в котором нет даже заваляценьких анализов, и просто нет ничего, кроме слов в сбивчивом пересказе.

... Одновременно в Интернете появилось множество постов-флаеров для разноски по всем блогам, где упомянута печальная история нашего пианиста. Как видим, текст написан для «вбрасывания» — автор пользуется огульными обвинениями всему обществу, никто из конкретных виновников травли пожилого человека не назван. Ничего не говорится и о возникшем «по поводу» законе, который можно почитать и ужаснуться. А смысл этого флаера в том, будто в происходящем виновато все общество — и никто конкретно.

Но, спрашивается, при чем здесь «все общество?» Что, собственно, можно требовать от общества, если и сами «педофильские истории» заказываются в качестве отвлекающего маневра от тяжелейших экономических и социальных проблем? Общество все равно не сможет полностью переключиться на них, поскольку сама

возможность растоптать любого по вздорным и подлым обвинениям — лишь следствие полнейшего экономического и социального бесправия граждан в нашем обществе, это ведь отнюдь не причина. Но это следствие, согласитесь, хорошо затыкает рот любому желающему обсудить причины нашего политического бесправия.

Общество уже ответило тем, что поддержало всех граждан, выставленных прессой в качестве «показательных педофилов». Ведь никто не отвернулся от них, никто не поверил в подобные обвинения, все нормальные люди высказали им сочувствие. Их репутация в обществе, являющаяся главной целью подобных скандальных «дел» — ничуть не пострадала. Поэтому обвинять общество в «безучастности» - здесь, по меньшей мере, несправедливо. Можно, кстати, заметить, что такого рода масштабные спектакли не имеют смысла вообще, если им никто не верит.

После публикации этой статьи, в которой не было ни для кого ничего нового или неизвестного, стали происходить странные события. Руководство ведущего канала выпустило передачу о трагедии, переживаемой старым пианистом, где использовало и отснятый ролик передачи, снятой с эфира, который «мадам Огурцова» вставила в статью.

Более всего сама «мадам Огурцова» опасалась даже не последствий за статью для себя лично, а того, что анонимные «ревнители нравственности» непременно навяжут ей обсуждение чужой «педофилии». И это обсуждение не заставило себя ждать.

Однако накануне она заставила Ларису Петровну копировать все комментарии, выделяя в них любых упомянутых персон. Она написала, будто видела сон, где ей будет противостоять упомянутый в комментариях человек. «Противостоять» - сказано слишком резко, он, скорее всего, будет неким завуалированным действующим лицом какой-то эпической истории, с которой они столкнутся в ближайшем будущем.

Лариса Петровна поинтересовалась, как она узнает это «лицо»? И «мадам Огурцова» пояснила ей, что его упомянут совершенно случайно, явно не к месту, а речь будет идти о других людях. Но ей будет некогда вникать в такие тонкости, просто она знает, что одна история вытекает из другой. А в следующей истории обычно раскрывается персонаж, упомянутый в предыдущей. Так ничего и не поняв, Лариса Петровна завела себе папку и методически копировала все комментарии к теме «педофилии» в преклонном возрасте на почве покорения высот классического искусства.

a_ledev

11 апреля текущего года управдом президента России в интервью СМИ сообщил, что на инаугурацию нового президента придет бывший премьер-министр Италии, над которым сегодня начинается суд по обвинению в педофилии. В частности, бывший премьер министр обвиняется в том, что он вовлек в занятие проституцией марокканскую танцовщицу Руби, которая на тот момент была несовершеннолетней. Указанный визит данного гражданина, никак не соответствует закону об ужесточении наказания за педофилию, подписанного президентом в феврале текущего года.

Позор для всей страны!.

ogurcova

А при чем здесь «позор для всей страны»? Вся страна вовсе не желает «позориться», каждый позорится только за себя! Сделал позорный выбор — сам себя выставил на позорище перед всей страной. И нечего унижать мнение всей страны.

a_ledev

Прошу прощения, но его не на частную вечеринку пригласили, а тем более от имени всей страны..

ogurcova

Во-первых, такого педофила выбрали итальянцы, чтобы он представлял их страну на международной сцене. Не пригласить его — оскорбить весь итальянский народ. Как вы справедливо заметили, его пригласили не на частную вечеринку и отнюдь не в качестве педофила.

А вот в качестве кого и чего вы навязываете «позор» всем нам — может, сами догадаетесь?

a_ledev

В качестве отца своей дочери. А что заслуживают педофилы, спросите у любого квалифицированного юриста. А Вы я предполагаю их следак. И звание должно быть приличное и оклад сейчас хороший. Хотя об окладе сейчас в этих кругах говорить неприлично..

ogurcova

Ну, что вы! В качестве «следака» — «система изжила» меня еще во второй половине 90-х годов.

А я бы как женщина предпочла, чтобы мне всякими педофилами не тыкали в лицо при личном разговоре, а всех нормальных людей не ставили бы с ними на одну доску. Как бывший «следак», я слишком хорошо знаю, кто они такие, чем весьма характерно отличаются от нормальных людей.

Поэтому попрошу вас вести себя достойно и не устраивать истерик, тем более, не сообщать мне шокирующие подробности из жизни итальянских премьеров, они меня не интересуют. Мне вообще странно, что вы выбрали мою страничку для борьбы с педофилией в Италии. Лучшие следите за тем, чтобы ваша жена не решилась проконсультироваться на ваш счет с юристами. При разделе имущества, конечно.

a_ledev

Как с экстремизмов-то Вас рапирает. Раньше надо было думать о своей репутации!

ogurcova

Да бог со мной, вас-то с чего так несет? Или вы считаете, что можете противопоставить моей репутации — свою? А где она у вас, простите? Вы останетесь тем, что я о вас скажу. Поскольку моя репутация нисколько не изменилась с детства, а у вас ее нет и не будет.

Смотрите: конкретная проблема с педагогом — человеком, который вообще-то уже столько сделал в жизни, что 65-летие мог бы встретить и не в тюрьме.

А вы сетуете, что все общество, дескать, проявляет апатию в вашей «борьбе». Но войны официально никто не объявлял. Кроме «войны педофилии», но педофилия ведь не насморк, чтобы у всех ее обнаруживать. Общество не оставляет педагога, общество высказывает сочувствие именно ему, подчеркивая его не официально признанные заслуги, а как порядочного человека, труженика и творца.

На чем строится расчет подобных дел? На том, что из омерзительности самого обвинения — от человека все отвернутся. На самом деле, будет навсегда уничтожена репутация тех, кто против него выступил. Интересно, что заранее уничтожается репутация любого, кто раскрывает рот на эту тему. Вот это как раз — обеспечивает общество. И это — немало, поверьте. Любой подонок знает, что начини он усиленно спекулировать на этом деле, начини наезжать на пианиста публично — он лишь окончательно уничтожит видимость своей «репутации».

А тут вы высказываете с какими-то провокационными замечаниями, не относящимися к поднимаемой теме. Скажите, как можно связать педофилию итальянского премьера

– с моим «экстремизмом»? И вертится он ужом, крутится! Но вы даже не соображаете, что ситуация опасна ведь не для пианиста, который успел сделать к моменту ее «проверки на дорогах» столько, сколько десяток вас не сделает из чувства «здорового эгоизма».

У вас ведь от каждого слова идет замкнутость на себе, неискренность. Это же в Интернете хорошо видно. Вы так стараетесь обезличить свой текст, что... не соображаете, как теряете собственную личность в реальности. И вы думаете, не видно ваших истинных целей участия в подобном обсуждении? Вы лишь хотите получить подтверждение циничному тезису, будто пожилого преподавателя, обвиняемого в «педофилии», - поддерживает исключительно «экстремистка»!

Но это непременно аукнется по вам лично. Я и говорю, что вашей жене будет очень легко поделить имущество. Сказанное о вас ею — будет всеми однозначно принято за правду. Другой-то уже нет!

Поэтому постарайтесь пореже светиться на подобных темах. Для вашей же пользы... гм... в качестве отца своей дочери.

...Суд присяжных оправдал старика-пианиста. Вне себя от радости, Лариса Петровна написала благодарственное письмо «мадам Огурцовой» с поздравлением по поводу ее «полной победы». Пришедший ответ заставил ее немедленно собраться в дорогу, взяв неиспользованные отгулы на работе. Мужу она сказала, что едет к подруге, тот понимающе хмыкнул.

Дорогая Лариса! Ни о какой «победе» не может быть и речи! Они уберут суды присяжных, только и всего. Они не остановятся, в том числе и со мной. Удивительно, но ты что-то знаешь о гарпиях, значит, немедленно должна приехать. Ты попадешь в одно купе с дамой, с которой обязана подружиться. Она любит сливовую настойку, только хорошую, как раньше. К вам в купе никто не сядет, - что туда, что обратно.

Мне написали вопрос — будет ли семья этого педагога настаивать на наказании виновных в издевательствах над ним. Им не отвечают, но они очень хорошо знают, что мне — ответят. Вопрос был задан для меня. От этого преподавателя отстали еще и потому, что точно знали — ни он, ни его родственники не станут искать правосудия. Моя защита убедила их в том, что его репутация восстановлена. О репутации других людей они не думают. Если бы они написали жалобу, но они запуганы, сломлены и теперь точно знают, что «плохо о них не подумают».

Это означает, что скоро будет не менее важный выпад этих тварей. Ты написала мне, что тебе кажется. Думаю, нам ничего не кажется просто так.

Но раз ты втянула меня, значит, ты точно должна быть участницей готовящейся схватки. Уверяю тебя, ты видишь то, что видят единицы. Такое видение может быть и не знаком судьбы, если ты держала в руках одну вещь. Но что-то подсказывает мне, что ты видишь это по другой причине. Надо лишь это выяснить! Большой вопрос, захочешь ли этого сама?

Она захотела! И удивилась себе, насколько сильно она этого захотела. Провожать ее в дорогу к незнакомой женщине отправились муж и дочь. Ее баритон уже догадался, что она делает важный и в чем-то необратимый шаг. Но он знал, что остановить ее перед приключением, которого она ждала всю жизнь, невозможно. Он в очередной раз ее удивил, как когда-то в зимнем лесу, не дав превратиться ей в клен обледенелый. Перед выходом на платформу, он взял ее ладонь в свои руки и прошептал: «Только смелее, Ларчик! Потом расскажешь мне все, я пойму!»

* * *

Первый день пребывания в гостях у «мадам Огурцовой» с ночными «огуречными посиделками» поначалу показался ей чем-то вроде слета первокурсников. Все было замечательно, лишь в глазах хозяйки застыла тревога. Ее не удивило приветствие, сказанное не столько ей и ее соседке по купе Нике, сколько Анне, прибывшей раньше их: «Ну, вот, Анна, это – наши Урания и Эвтерпа!» Она не могла ручаться, что в точности поняла сказанное, по крайней мере, ей показалось, что именно так она их представила одной из постоянных посетительниц блога, прошедшей вместе с ней суд в «борьбе против экстремизма».

На следующий день вся разношерстая кампания узнала, что накануне один из городов на юге страны затопило водой из прорвавшейся плотины. Лариса Петровна поняла, что ее приключение началось, она прибыла в тот порт, откуда должен был отправиться ждавший ее корабль. Как когда-то у Гомера «Илиада» началась с Первой песни о море, так и ее история начиналась с того же самого.

Понимая, что плотину на людей могли просто спустить, она чувствовала, как в ней закипает гнев. Все, у кого была возможность подключения к Интернету, беспомощно читали новости, в которых утверждалось, что виновны в несчастье были те, кто полвека назад проектировал эту плотину. Но, опустив голову, хозяйка сказала, что у этой плотины – точно был клапан вниз. Но людям, которые завладели этим гидротехническим сооружением, намного проще было уничтожить несколько тысяч людей, чем эксплуатировать сооружение нормально, вкладывая деньги в своевременные ремонты...

И она верила хозяйке блога намного больше, чем тем, кто лгал по радио и на официальных сайтах средств массовой информации, будто люди были предупреждены о грозящей им опасности. Они и сейчас, когда оставшиеся в живых писали в Интернете о тысячах трупов, утверждали, будто погибло «всего лишь» сотня человек...

В ней все громче звучали строки Гомера: «...и у стен Илиона / Племя героев погибло — свершилася Зевсова воля», она все отчетливее слышала хлопанье огромных черных крыльев и все больше, все нестерпимее ей хотелось петь...

*Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,*

*Много сильных душ героев пославший к Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
Птицам окрестным и псам. Это делалось, волею Зевса,
С самых тех пор, как впервые, поссорясь, расстались враждебно
Сын Атрея, владыка мужей, и Пелид многосветлый.*

*Кто ж из бессмертных богов возбудил эту ссору меж ними?
Сын Лето и Зевса. Царем раздраженный, наслал он
Злую болезнь на ахейскую рать. Погибали народы
Из-за того, что Хриса-жреца Атрид обесчестил.
Тот к кораблям бысролетным ахейцев пришел, чтоб из плена
Вызволить дочь, за нее заплативши бесчисленный выкуп.
Шел, на жезле золотом повязку неся Аполлона,
И обратился с горячей мольбою к собранью ахейцев,
Больше всего же - к обоим Атридам, строителям ратей:
"Дети Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
Дай вам бессмертные боги, живущие в домах Олимпа,
Город приамов разрушить и всем воротиться в отчизну!
Вы же мне милую дочь отпустите и выкуп примите,
Зевсова сына почтивши, далеко разящего Феба".*

За Первой песней – следует Вторая, а у Гомера она называлась «Сон, Испытание». Помня об этом, Лариса Петровна решила не ложиться вообще, понимая, что уж если действительно все так и произойдет по «Илиаде», то сон ее настигнет где угодно. Она вызвалась убраться на кухне и отправила Веронику спать.

Ей казалось, что она не только одна на кухне, но и во всем мире. И пока все спали, она сидела прямо, глядя в одну точку, думая в своем сердце о том, сумеет ли она помочь в грядущих испытаниях тем, кто собрался под гостеприимным кровом этого дома и блага «Огурцова на линии».

*Прочие боги Олимпа и коннодоспешные мужи
Спали всю ночь; не владел лишь Кронионом сон благодатный.
Думал все время он в сердце о том, как ему Ахиллему
Почесть воздать и побольше ахейцев сгубить пред судами.*

Как она и предполагала, сон начался неожиданно и практически наяву. Возле нее появилась высокая черноволосая женщина в длинном черном шелком платье. Она понимающим взглядом окинула ее напряженную позу и спросила: «Меня ждешь? Я - Эвриале!»

Дама с трудом оторвала от себя большие часы на львиных лапках, и Ларисе Петровне показалось, что часы вовсе не желают вставать на стол, они явно пытались зацепиться за подол ее платья.

- Извини, пришла бы раньше! – обернулась дама к Ларисе Петровне от своих строптивых часов. – Но эти часы... с ними всегда какие-то проблемы, стоит нам прибыть к Эвтерпе! Ну, что с тобой? Сколько можно?

- Давно говорю, что эта дамочка мне лично не вдохновляет, - заплетающимся механическим голосом протикали часики. – Никакого полета фантазии, опять посещение музеев и методическое изучение основ классического искусства. Не знаю, зачем такое нужно! Может, без нее обойдемся?

- Как ты без нее решил обойтись, она уже посреди этой истории! – возразила дама, поправляя прическу из черных локонов. - Она уже вдохновила Каллиопу защитить старика-пианиста! И другой Эвтерпы у меня для тебя нет.

- Вот именно! – пьяным голосом ответили часы. – История получается достаточно грязная, экстремистски-педофильская... Куда там еще эту?.. «Покровительницу лирической поэзии и музыки самой природы, дающей душе очищение», умереть не встать. Давай вместо нее мужика иницируем, а?

- Чтобы его в педофилии обвинили? – прикрикнула на разговарившиеся часы Эвриале. – Думаешь, что говоришь! Давай-ка, транспортируй нас к портрету Эвтерпы кисти лучезарного Гойи!

- Ой, не могу! – простили часы. – Ну, отчего все Эвтерпы такие неказистые, как эта маркиза? То ли дело... Терпсихора! Уф-ф, как вспомню, так вздрогну! И такую лапочку, такую бесподобную красотку надо было на балет тащить совсем малышкой, а с Эвтерпой – ждать «до полной зрелости». А чего бы с ней лет до семидесяти не подождать?

- Нет, если вы не хотите, я не настаиваю! – вмешалась в эту нескончаемую пикировку Лариса Петровна, понимая, что часы просто не хотят ее никуда доставлять даже во сне. Хотя до семидесяти лет ждать было еще очень долго, ей не хотелось, чтобы кто-то ссорился из-за нее.

- А кто тут что-то может хотеть, кроме нас? – удивилась дама. – А ну-ка, немедленно доставь нас в Прадо и без лишних разговоров!

...И они очутились посреди пустынного зала. Впрочем, «очутились» для Ларисы Петровны было бы сказано слишком пафосно. Только что она сидела на прибранной ею кухне, слушая с напряженным лицом, как появившаяся из ниоткуда дама обсуждает ее с говорящими часами, явно хлебнувшими лишнего. И через мгновение она заскользила по влажному мраморному полу, больно ударившись в темноте о медный столбик возле стены.

- Да это просто зверство какое-то, – сказала Эвриале, споткнувшись о ее ноги. – Поднимайся, можешь рассматривать это «музыкой природы». В последнее время все как с цепи сорвались! Ты уж извини, часики у меня маленькие, очень подверженные чужому влиянию. Какое время отсчитывают, так себя и ведут, ничего не поделаешь... У нас нынче время пьяных запоев, хамства и пренебрежительного отношения к женщине. Вот и имеем результат. Свет включи, мерзавец!

В залах загорелся свет. Часики согнулись возле урны в приступах рвоты. Эвриале что-то приговаривая нелицеприятное, пыталась вытереть их чистой салфеткой, а часы лишь безвольно отпινывались от нее бронзовыми лапками.

Как только в зале стало светло, Лариса Петровна поняла, что оказалась на четвереньках перед огромным портретом Хоакины Тельес-Хирон, второй дочерью герцога Осуны и женой Хосе Сильва-Базана, унаследовавшего в 1802 году титул маркиза Санта-Круз, а позже ставшего первым директором Прадо. После своей неудачной попытки самостоятельного просвещения в музее родного города Лариса Петровна методически изучала в библиотеках, а затем в Интернете – собрания самых известных музеев мира, особенно выделяя для себя мадридский Прадо, имевший наиболее богатый раздел живописи. Она знала, что Хоакина, которую Гойя изобразил на портрете 1805 года в роли музы лирической поэзии Эвтерпы, возлежащей на канаве и с лирой в левой руке, была одной из самых почитаемых женщин Испании своего времени. Она имела личное знакомство со многими поэтами и писателями, являясь для многих самым авторитетным критиком с безупречным литературным вкусом. Выбор такого образа для ее портрета был обусловлен страстью маркизы к лирической поэзии. Это была одна из немногих картин, где заметно проявилось влияние классицизма на художника. Лариса Петровна отметила для себя, что лира была изображена неправильно, Эвтерпа предпочитала авлос – двойную флейту. Да и не стала бы она (в отличие от Эрато) украшать себя листьями и гроздьями винограда. Но больше всего ее поражала черная стола, обвивавшая левую руку маркизы, спускавшаяся на канаве из-под ее фигурки. И на картине, как раньше по иллюстрациям, ей вначале показалось, что от Хоакины расползаются змеи, как от головы убитой Медузы.

От созерцания портрета маркизы ее отвлек звук пощечины и жалобный ответный звон часов. Она обернулась к Эвриале, воспитывавшей говорящие часы рукоприкладством, и похолодела. На выходе из зала рядом с урной стоял мужчина в одних трусах с бутылкой пива в руках. Лариса Петровна поняла, что часы окончательно проштрафились, захватив в ее сон одного из гостей «мадам Огурцовой», дремавшего на кухонном диване.

Молодой человек, как ни в чем ни бывало, прохаживался по залам, рассматривая картины, прикладываясь к большой бутылке пива. Его колоритная фигура сразу запомнилась Ларисе Петровне, поскольку он, не в первый раз приезжая в гости к хозяйке блога, немедленно раздевался до трусов и запасался пивом на весь период пребывания, утверждая, что только так может релаксироваться в суетной действительности.

Возможно, именно такая методика релаксации для него была наиболее оптимальной, потому что из состояния релакса его не вывела и неожиданная смена обстановки. Он вежливо кивнул ошеломленной Эвриале и, узнав знакомое лицо, спросил Ларису Петровну: «А где все?» Эвриале выпустила часики, которые держала за бронзовые шишечки на крышке и устало сказала в пространство: «За что?.. Что же это за гадство-то?..»

- Думаю, чего время зря терять, пока вы тут все осмотрите? – оправдывались часики, понимая, что хватили лишку. – А чо? Нормальный мужик, натурал, кстати. Думаю, посидим с ним пока, потолкуем.

- Ну, и вали со своим натуралом, – ответила Эвриале, пнув часы ногой.

- Это мы в Прадо, как я понимаю? – спросил мужчина, прихлебывая пиво. – Мы сюда с женой, тещей и ребенком на пару часов прошлым летом врывались. У меня тогда был просто культурный шок от такого посещения. Чтобы оптимизировать результат от посещения Прадо, нужно ходить сюда хотя бы в течении нескольких дней, смотреть все порционно, без кавалерийских наскоков. Иначе это становится кошмарным сном, вот как сейчас. В прошлый раз, к моменту выхода из музея, думал, что если в ближайшее время мне на глаза попадет еще хоть один предмет, хотя бы туманно напоминающий мне своим видом о кресте или о терновом венце или о мадонне с младенцем, то я себе голову о камень разобью.

- Вот! – радостно взвизгнули часики. – Вот она, правда жизни! А еще пинается, мол, зачем, мужика с собой взяли!

- У меня вообще от Испании, несмотря на необыкновенную красоту увиденного, в прошлом году случился некоторый передоз от католической символики из-за ее невероятной концентрации повсюду, - продолжил развивать свою мысль мужчина.

Лариса Петровна вспомнила, как сложно его было остановить, когда он начинал рассуждать вслух, неизменно сидя полуголым на кухонном диване с бутылкой пива в руках. Он почти ничего не писал в блоге, зато его было практически невозможно переговорить в реальной жизни. Насколько она помнила, включая хозяйку дома, обращались к нему Жора. - Они тут все время с грехами боролись, да так особо и не смогли победить, - поддакнули часики, тихонько отползая от носка Эвриале к босой ступне Жоры.

- Все наши грехи победит время, - философски заметил Жора. - Но, конечно, то, что здесь выставлено, времени неподвластно.

- Да время всех победит, - заявили часики, становясь за его спину. - А все выставленное здесь - тоже вопрос времени.

- Я в прошлый раз удивился, что фотографировать в залах Прадо запрещено, - сказал Жора, оборачиваясь к часам. - Ну и, зачем кому-то нужны кривые фотографии, когда в альбомах и в Интернете существуют качественные репродукции всех произведений?

- Понятия не имею, что их так по музеям тянет? - подобострастно поддакнули часы.

- С одной стороны, в Прадо есть буквально все! Эль Греко, Веласкес, Гойя, ван Дейк, Босх, Рубенс, Пикассо, Тициан, Дюрер, черт лысый... Причем большинство основных коллекций - гигантского размера, на много залов, а не по несчастной пятерке-десятке картин на художника, как у нас в лучшем случае, - рассуждал голый Жора. - С одной стороны, посещение Прадо - настоящее пиршество. Первые два можно провести в восторженной нирване. Тут ведь перед некоторыми картинами хочется щипать себя за руку, проверяя, неужели видишь их наяву?.. Представляешь, как Босх писал «Сад земных наслаждений» или «Воз с сеном», корячился на всю стену, ученики боковушки триптиха расписывали... Так ведь и возникает в результате вещь, которую можно рассматривать и изучать в деталях... Это непередаваемое ощущение!.. Будто на тебе замыкается какая-то непостижимая цепочка случайных событий!

- А если просто в книжке посмотришь, то ощущения передаваемые? - подобострастно поинтересовались у него часики.

- Ощущения тогда обыденные, - признался Жора, отхлебывая пиво. - Здесь какой-то особый личностный контакт. Тем более, сейчас, когда здесь никого нет и можно по залам в трусах ходить.

- Немедленно одень его! - не выдержала Эвриале.

Обернувшись к Ларисе Петровне, она сказала: «Ну, как ни крути, а ничего случайного не бывает! Давай взглянем в зале Босха на картины, которые этот гражданин упомянул, да займемся чем-то более приземленным.»

Из своих методических основ самообразования Лариса Петровна знала, что триптих Иеронима Босха «Воз сена» считался первой из больших сатирико-нравоучительных аллегорий зрелого периода творчества художника. В Прадо была одна из двух версий картины, вторая находилась в Эскориале. Обе картины неплохо сохранились, но за века подверглись настолько масштабной реставрации, что никто уже не знал, какая из них является оригиналом. Возможно, оба триптиха, изобилующих маленькими фигурками, написанными в смелой технике мазка, - являлись оригиналами. Но в изображения на внешних створках явно выполнены кистью кого-то из подмастерьев или учеников Босха.

«Возе сена» не было общепринятой перспективы изображения пространственных объектов на плоскости в соответствии с теми кажущимися сокращениями их размеров. Причем, большинство художников шли к перспективе, добивались зримой глубины композиции. У Босха же все происходило наоборот. Если в ранних произведениях он еще более или менее придерживается традиционной перспективы, то в больших фантазмагориях зрелого периода он изобретает новую технику, по-своему решает проблема пространства. Он создавал некое воображаемое пространство, где множество движущихся фигурок образовывали непрерывный

первый план, противопоставляемый эпизодам фона, но без всякой обратной зависимости. Он будто не старался выделить первый план вообще, все группы изображений оказывались на первом плане, будто ожесточенно вытесняя друг друга.

На картине, на фоне бескрайнего пейзажа огромный воз сена окружили люди, а среди них жестко выделяются все сословия «сильных мира сего» и «простого народа». Однако кастовые различия не сказываются на их поведении: все они хватают охапки сена с воза или дерутся за него. За лихорадочной людской суетой сверху безразлично и отстранённо наблюдает Христос, окружённый золотым сиянием. Никто, кроме молящегося на верху воза ангела, не замечает ни Божественного присутствия, ни того, что телегу влекут странные демоны.

Лариса Петровна знала, что обычно эта аллегория рассматривается как иллюстрация старинной нидерландской пословицы: «Мир — это стог сена: каждый хватает, сколько сможет!» И стоило Босху выставить такой воз сена, как весь род людской предстал погрязшим в грехе, полностью отринувшим нравственные заповеди, полностью безразличным к собственной душе.

Она беспомощно оглянулась к Эвриале, увлекшейся подбором подходящего одеяния для их случайного спутника. Часы наряжали его то в рясу священника, то в камзол дворянина, то в латы стражника. Визуальный ряд живописных полотен вызвал «передоз» и у подвыпивших часов, которые сейчас никак не могли сосредоточиться на текущем моменте.

- Оставьте его! — заступилась Лариса Петровна за ошалевшего Жору. — У нас нынче безвременье, поэтому вы все равно не угадаете!

- Ладно, - смиловилась Эвриале. — Немедленно убирайтесь оба, накройте стол, потом заберите нас отсюда!

Жора и часы растворились в воздухе с нескрываемым облегчением. Эвриале подошла к Ларисе Петровне, стоявшей возле огромного полотна, и достала из складок платья изящный хрустальный флакон. Стоило ей щелкнуть по нему ногтем перед носом зачарованной Ларисы, как внутри флакона заискрились золотые песчинки.

- Все второпях, все с колес! – посетовала Эвриале. – Но ведь ты сама видела, как эта Хоакина похожа на тебя, тут уж ничего не поделаешь. Обычно Эвтерпа изображается в группе, она как бы усиливает вдохновляющее воздействие либо старших муз, либо младших... От Эрато одни проблемы, а Эвтерпа ко всему подходит методически, всему определяя истинную цену. Ну, что тут у тебя?

- У меня? Ничего, - пробормотала Лариса Петровна, прислушиваясь к странному шуму в ушах.

- У меня сейчас в голове гудит... Мне кажется... что это со мной?

- Ты становишься настоящим, живым воплощением Эвтерпы, - пояснила Эвриале, с любопытством глядя на нее. – Не аллегорически, как на картине Гойи, а на самом деле.

- Я смогу что-то делать? – деловито поинтересовалась Лариса Петровна слабым голосом.

- Понятия не имею! – призналась Эвриале. – У всех это происходит по-разному. К тому же ты ведь не будешь знать, во сне это случилось или наяву, даже если в разговорах с Жорой выясните, что видели один и тот же сон. Лучше не выяснять, конечно. Чтобы не мешать полной свободе выбора. Вот как на этом полотне! Все есть, никто свободе выбора не мешает!

- Нет, мне кажется, что чего-то не хватает! – призналась Лариса Петровна. – Будто Босх уничтожил здесь не только перспективу...

- Да, плоский мир иногда берет над ним верх, - согласилась Эвриале. – Наверно, поэтому художества даже вроде этого не входили в компетенцию муз, хотя само название «музей» означает «жилище муз». Мы видим необыкновенно прекрасное полотно. И что вдохновило мастера на его создание? Человеческие пороки! Как бы он их показательно не бичевал во всю стену, но что-то главное им точно упущено, верно? Иначе зачем мне сейчас тратить на тебя золотой песок?

- Да, меня смущает именно его побудительная вдохновляющая сила, - прошептала Лариса Петровна. – В чем она? Полотно подавляет своим масштабом, как приговор всему миру, но ведь это неправда! Здесь лишь догмат веры без радости жизни. Нет выбора! Мы видим, как все устремлены в погоню за благами земными... Вот грех алчности, стяжательства, корысти, жадности... Но разве это надо было увековечить и пронести сквозь века? Это иногда перестает быть притчей, при широком диапазоне изображенных слоев общества – это выливается в констатацию, мол, все такие. Владыки светские и духовные, следующие за возом в чинном порядке, не вмешиваются в свалку и распрю за сено лишь оттого, что это сено и так принадлежит им, - повинны в грехе гордыни. Алчность заставляет людей лгать и обманывать, вот мнимый слепец с юным поводырем вымогает подаяние, а здесь лекарь-шарлатан выложил свои дипломы, склянки и ступку... Огромное брюхо монаха, наблюдающего, как монахини накладывают сено в мешок, - олицетворяет грех чревоугодия. Влюблённые пары на верху воза предаются грехам любострастия... Даже музицирующие любовники из более изысканного общества будто усиливают главную мысль - торжество алчности. Здесь нет жизни, потому что изображена смерть души до физической смерти.

- Да, эти мысли и... достаточно примитивные догматические нравоучения переданы нероятно талантливо, захватываяюще, но в этих аллегориях нет настоящей жизни, - согласилась Эвриале. – Какой бы ни была среди вас Эрато, но и она сыграет свою роль. И какой смысл ее отрицать или принижать ее значение, особенно в молодости? Так ведь и само человечество может исчезнуть... А «Сад земных наслаждений» Босха – это просто трактат против вашей средней сестрички. Посмотри, у него здесь главная цель – разоблачить ее тлетворное влияние, ни больше, ни меньше. Понятно, что сами чувственные удовольствия весьма эфемерны! Но это же не означает, что надо их полностью отрицать! Самой Эрато, кстати, во все времена не нравилась эта самая ее эфемерность, другие музы как-то с нею справляются, более органично ощущают время, а с Эрато всегда было много проблем. Мне старшая сестра Сфейно рассказывала, как одна Эрато... не станем уточнять ее всем известного имени, - вообще осуществила попытку захватить мир... античный. Но ведь и сейчас каждая Эрато просыпается с мыслью о покорении мира. Ей бы на «Сад земных наслаждений» полюбоваться. Это – своеобразный отклик ее идеи, которая все равно никогда не находила воплощения в действительности.

- Но ведь без этого тоже будет скучно, а скука – такой же смертный грех! – подвела итог Эвтерпа.
- Совершенно правильно! Отойди на шаг и посмотри беглым взглядом! – предложила Эвриале.
- Потом сделай шаг к картине, и ты сразу ощутишь скуку! Тебе хочется любоваться полотном, как элементом интерьера, но разбираться с отдельными аллегориями не только скучно...
- Я чувствую попытку меня переделать! – в отчаянии выдохнула Эвтерпа. – Но он заранее считает, что я – такая! Только такая! А какой я стану потом? Он думает, что знает, но каждый знает, каком он должен быть! То, что он делает, это неправильно!
- Да, он оскорбляет искру божью, которая не наверху воза с сеном, а в каждом из нас! – торжествующе закончила Эвриале. – Его картины – такое же ложе Прокруста, он говорит всем, насколько мы плохи, а чтобы человек стал лучше, одних нотаций маловато. Человек вообще удивительное существо, способное на удивительное величие духа. Вот потому-то ты и стала Эвтерпой, что, несмотря на все, что знаешь о людях, стремишься видеть в них одно хорошее.
- Откуда вы знаете? – смутилась Лариса.
- О, дорогая! Редкая женщина решится вдохновить Каллиопу на защиту мужчины, обвиненного в педофилии, если сама имела подобный опыт в детстве.
- Эвриале щелкнула пальчиками, и Лариса Петровна увидела маленькую девочку на ледяной горке. Вначале она узнала свое старенькое пальто, которое носила четыре года, потому что пальто было куплено «на вырост», а она почему-то медленно росла. Потом она вспомнила тот страшный день, когда на горке к ней подошел дяденька и что-то спросил. Она не поняла, о чем он спрашивает, но знала, что старших надо уважать, поэтому переспросила его, вежливо поздоровавшись. Дяденька заговорил еще непонятнее и полез к ней руками под пальтишко, больно щипаясь. Она сумела его оттолкнуть, с ревом бросилась домой. Мамы и папы не было ни на кухне, ни в комнате. Зато из первой заводской смены уже пришли дяденьки-соседи. Они остановили ее в коридоре и, выяснив, почему она плачет, тут же оделись и побежали на горку. Того страшного дяденьку они так и не нашли, но, вернувшись домой, строго наказали ей никогда больше не разговаривать с незнакомыми дяденьками, а сразу бежать домой, где в большой коммунальной квартире обязательно был кто-нибудь из соседей, работавших посменно.
- Как видишь, Босх может изобразить того мерзавца с ледяной горки, а вот простых работяг, кинувшихся на защиту посторонней девчушки – нет, - улыбнулась Эвриале. – Кажется, и у меня прошла злость, наконец-то. Пойдем к нашим мальчикам, а то они здесь сопьются.

Лариса Петровна плохо запомнила остальную часть культурной программы, потому что все ее внимание было поглощено громко закричавшей толстой женщиной в красном платье, отбивавшей сложный ритм туфлями с набойками. Воздетыми над головой руками она щелкала кастаньетами и под всеобщий восторг трясла головой с длинными распущенными волосами. У людей, сидевших за столиками в полутьме зала, стояло ароматное кофе и

испанские пончики чурросы. Только на их столике возле Жоры лежали останки объединенных красных раков. Перед ними в лоточках лежали несколько видов суши, роллы, а Жора объяснял невероятно довольным часам, какое пиво лучше доставить к копченым куринным крылышкам и арахисовым орешкам.

На Жоре из одежды появилось мексиканское сомбреро и кожаный пояс с украшенной кистями кобурой, поэтому никто не предъявлял никаких претензий по поводу некоторого беспорядка в его гардеробе.

- Ну, вы даете! – сквозь сон услышала Лариса Петровна голос Вероники Евгеньевны, в котором сквозило нескрываемое осуждение.

Она приподняла голову, обнаружив себя на диване возле разметавшегося Жоры. Его сомбреро лежало на полу возле шести коробок пиццы по-гречески и двух больших бутылок с пивом. Как только она встала с дивана, Жора сменил позу и устроился поудобнее, потому что в левый бок ему давила кобура с кистями и ручкой от огромного кольца.

- Вы чем это ночь занимались? – с удивлением спросила Вероника Евгеньевна, кивая на ее красное платье и туфли с набойками. – Ты прямо в туфлях спала?

Никакой свободы выбора Эвриале не оставила, хотя обещала. Наверно, поэтому все ее впечатления от Прадо остались в виде картин Босха, где, несмотря на всю их живописность, никому никакого выбора не оставлялось даже на случай «немного пошалить».

Она вспомнила, как под тлетворным влиянием пива, Жоры, говорящих часов и плюнувшей на все Эвриале, сама влезла на сцену, выпихнув оттуда толстую артистку, заявив, что сейчас всем покажет, как надо танцевать фламенко...

Пицца была еще теплая, поэтому, стараясь не думать о ночном кошмаре, она стала накрывать стол для проснувшихся обитателей большого дома.